

**Владимир
Марков-Бабкин**

1917

Марш Империи

МИР НОВОГО МИХАИЛА
Цикл "Творцы Империи Единства"

Книга 1

16+

Творцы Империи Единства

Владимир Марков-Бабкин

1917 Марш Империи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Марков-Бабкин В.

1917 Марш Империи / В. Марков-Бабкин — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Творцы Империи Единства)

Итак, "на дворе" октябрь 1917 г. Османская империя разгромлена, Проливы взяты, "возрождена историческая Ромея" со столицей в Константинополе. Но Первая мировая война идет своим чередом, а о том, что на троне попаданец не знает никто. Тем временем подполковник Сил специальных операций Анатолий Емец и камер-фрейлина Ее Величества поручик Наталья Иволгина начинают свою головокружительную историю на фоне эпохальных событий, которые закручиваются вокруг попаданца из 2015 года. Мятежи, заговоры, покушения. Интриги, подставы, закулисы мира. Большая Игра и Игроки. Многоуровневые события, каждый слой которых открывает читателю новые, подчас неожиданные подробности событий, часто скрытые от глаз простого обывателя. Знакомые персонажи второго плана "Нового Михаила", получившие главную роль в новом романе. Вбоквел (спин-офф) "Мира Нового Михаила", послесловие цикла "Новый Михаил" и предисловие цикла "Империя Единства". Книга не содержит промежуточных патронов, командирских башенок и прочих роялей.

Владимир Марков-Бабкин

1917 Марш Империи

Посвящается моей семье.

Спасибо всем коллегам и читателям.

Отдельная благодарность Виталию Сергееву.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ НЕКОРОНОВАННЫХ
ОСОБ**

ГЛАВА

I

. ЗА КУЛИСАМИ СПЕЦНАЗА

**ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.**

– В Риме на Государя и Государыню совершено покушение. К счастью бомба не взорвалась. Бомбиста задержали. Нам остается лишь молиться, чтобы сие потрясение не сказалось на беременности Ее Величества.

Генерал граф Слащев-Босфорский с чувством перекрестился на образа в углу, и подполковник Емец последовал его примеру.

– Обереги Богородица матушку нашу. Выяснена ли личность бомбиста?

– Пока известно лишь о том, что бомбист религиозный фанатик. Идет следствие по делу. Мы не Высочайший Следственный комитет и не Имперская СБ, подробности мне не сообщают.

– Понимаю. Нет ли сообщений об иных пострадавших, ваше сиятельство?

Граф бросил хмурый взгляд на вопросившего.

– Цела твоя Иволгина. Жива и здорова насколько мне известно.

Емец, злясь на себя, поспешил добавить:

– Я имел в виду, все ли благополучно с нашей делегацией в Риме.

– Конечно.

Прозвучало довольно двусмысленно, и хозяин кабинета позволил это впечатление усугубить, добавив в сердцах:

– Опера "Ромео и Джульетта" на мою голову!

Побарабанив пальцами и убедившись, что Емец ничего не ответит, командующий Сил специальных операций сухо закруглил тему:

– Ладно, мы отвлеклись. Теперь по делу. Бумаги на твой орден я подписал и представление пошло по инстанции. Склад с химическим оружием ты блестяще захватил, взрыва не допустил, мир спас, так что теперь нужно довести дело до логического завершения – назвать виновных. Толпа репортеров и делегация Красного Креста уже на пути сюда. К их приезду изволь обеспечить имена повинных в злодеяниях против человечества и все такое прочее. Знаю, что ты скажешь. Да, ты не дознаватель, но дознавателей у меня здесь нет и ждать их невозможно. Да и не дадут они результат так быстро. К тому же прессе этого немецкого капитана надо показать целого, со взором горящим и добровольно желающего называть имена. Есть вопросы?

– Так точно, ваше сиятельство! Разрешите вопрос?

– Да.

– Прошу простить, ваше сиятельство, может я чего-то не понимаю, но зачем это все? Ясно же, что вина лежит на государстве, чья армия это совершила и пыталась повторить. Зачем нам обелять Германию?

Слащев встал и, подойдя к окну, некоторое время хмуро разглядывал возящихся с многочисленными газовыми баллонами бойцов ССО.

– Идея соблазнительная, Анатолий, но политически вредная. Сейчас нам невыгодно обобщать и делать виновными всех немцев или всю германскую армию. Нам нужны конкретные виноватые. В Германии сейчас очень нестабильное положение и идет острая схватка между разными группами в борьбе за власть. Скандал с применением химического оружия против мирного населения Риги и так заставил многих в Берлине дистанцироваться от этого преступления. К тому же это привело к вступлению Испании в войну на стороне Антанты. Сейчас же, предотвращенный взрыв складов с отравляющими газами в Митаве, может сделать совершенно одиозной одну из групп влияния в Рейхе. Как раз ту, которая выступает за продолжение войны любой ценой. Вспомни, как кайзеру пришлось публично приносить извинения за гибель французского короля под германскими бомбами. В общем, Анатолий Юрьевич, явите миру свой талант убеждения в очередной раз, и добудьте для России имена виновных.

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

– Вот мы и свиделись, Емец.

Обладатель волчьей шапки злобно сверкнул глазами, но окинув взором полный офицеров штабной коридор, ощерился с деланным сожалением:

– Жаль, что тут так людно. Но ты все равно от меня не сбежишь!

Емец сочувственно кивнул:

– Подумать только, есаул Шкуро, вам опять мешают обстоятельства! Так мой вызов на дуэль все еще актуален. А пока, можете, согласно Уставу, поприветствовать старшего по чину.

Шкуро дернулся было вперед, но его «волчья свита» удержала своего атамана от необдуманного выпада, чем тут же не преминул воспользоваться Емец, спросив с издевкой:

– Вы никак хотели попытаться ударить старшего по чину, да еще и в присутствии младших офицеров? А хорошо ли это?

Есаул с ненавистью глядел на подполковника.

– Слышишь ты, заморыш благородный! Я, Андрей Шкуро, и я всегда получаю то, на что глаз мой ляжет. И бабу твою я получу, прячь ты ее хоть в каких дворцах, понятно тебе? И если баба твоя пробила тебе новый чин, это не значит, что я отступлюсь. И бабу твою я получу, и тебя власть нагайкой выпорю. Попомни мое слово, Емец.

Тот усмехнулся:

– Ну, вот это вряд ли у тебя получится, есаул. Но я запомню. И напому в свое время, уж поверь. Власть напому.

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

Подполковник Емец оценивающе разглядывал сидящего на табурете капитана. Тот с вызовом глядел на взявшего его в плен русского офицера. Что ж, примерно чего-то такого Анатолий Юрьевич и ожидал.

Изучив допрашиваемого, подполковник Емец задал вопрос германцу на его языке:

– Ваше имя и чин.

Немец холодно процедил:

– Гауптман Клаус Вебер. Это все, что я обязан вам отвечать по Гаагской конвенции 1907 года. Напому вам также, герр подполковник, что согласно «Главы II. О военнопленных» озна-

ченной Конвенции, военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво.

Подполковник согласно кивнул и заметил:

– Скажу больше, согласно статье 17-й военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такого расхода их Правительством.

Вебер насторожился:

– Это вы к чему сказали?

– К тому, герр гауптман, что я прекрасно знаком с содержанием этой Конвенции. А ее статья 23-я, кстати, прямо запрещает, при выборе средств нанесения вреда неприятелю, использовать яды и отравляющие газы, а также употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания. Кроме того, преамбула этой же Конвенции определяет, что воюющая сторона, которая нарушит постановления указанного Положения, будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил. За ваши действия, герр гауптман.

Тот пожал плечами:

– Это война. Она не делается чистыми руками.

– Тогда не ссылайтесь на Гаагскую конвенцию. Мы воздаем дань уважения тем немецким солдатам и офицерам, которые воюют честно, соблюдая законы и обычаи войны. Тому свидетельством мемориалы морякам «Гебена», «Бреслау» и всем тем, кто погиб, исполняя свой долг при Моонзунде. Но мы не признаем действие Конвенции в отношении лиц, виновных в применении отравляющих газов, в особенности тех лиц, которые виновны в применении химического оружия против мирного населения. Обстрел кварталов Риги и попытка применить отравляющие газы в Митаве, ставят Рейх в ситуацию, когда высшее руководство Германии и государство в целом должны отвечать за действия отдельных лиц, отдавших преступные приказы. Позор международного трибунала ляжет на весь ваш Фатерлянд, герр Вебер. Подумайте над этим.

Немец молчал.

– Что ж, герр Вебер, если вы не хотите со мной говорить, то у меня хватает дел и без вас. Вас ждет следствие, ждут репортеры, вон за той дверью вас ждет позор. Так что забвения я вам не обещаю. Вашу роль в позоре Рейха не забудут в Германии.

– Это была моя личная инициатива. Германия и кайзер тут ни при чем.

– Что вы говорите! А Ригу тоже вы приказали обстреливать химическими снарядами?

Гауптман промолчал.

– Я ценю вашу попытку самопожертвования, но не стоит, уверяю вас. О том, что приказ об обстреле Риги отдал командующий 8-й армии генерал фон Гутьер нам известно. Известно так же то, что он отдал приказ нанести повторный удар перед тем, как застрелиться, опасаясь казни за Моонзундскую катастрофу. Новый преступный приказ о применении против города химического оружия отменили из Берлина, но сей факт имел место. И нынешний приказ о взрыве складов с химическим оружием в Митаве отдавал никак не покойный фон Гутьер. Равно как отдать такой приказ сами вы не могли, это не ваш уровень. И охрана складов нам достаточно дала показаний о происходящем. Поэтому, либо отвечаете лично вы и вместе с вами вся Германия, либо назовите мне того, кто отдал этот новый преступный приказ.

Емец закрыл папку и поднялся из-за стола.

– Гауптман Вебер, я нисколько не сомневаюсь в вашей готовности умереть за Фатерлянд. Но найдите в себе мужество не позорить Рейх. Там за дверью дюжина репортеров из десятка стран, а в столице Рейха уже ищут козлов отпущения. Помогите Германии, а заодно и самому себе.

– Чего вы от меня хотите?

– Я даю вам шанс, Вебер. Волею случая, вы не совершили этого преступления в Митаве. Не берите грех на душу и сейчас – назовите настоящих виновных, всех тех, кто отдавал преступные приказы и кого следует посадить на скамью подсудимых. Назовите их, и скажите, где нам их искать. И мы их найдем.

– Зачем вам это все?

– А затем, что мы не хотим, чтобы, когда бы то ни было, германские генералы и офицеры могли сказать: «мы лишь выполняли приказ». За каждое преступление придется отвечать лично. Пусть все помнят об этом.

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

Слащев все так же хмуро глядел на суету за окном. Глядел, но мысли его были об ином.

Беспокойное ему досталось хозяйство. Точнее, беспокойное хозяйство создал он сам, формируя по повелению Михаила Второго подразделения Сил специальных операций. Задачи, поставленные перед ним, требовали срочного создания мобильных отрядов, умеющих решать самые разнообразные задачи как в тылу противника, так и на своей территории. Решать эффективно, неожиданно для противника и молниеносно.

Дерзкое похищение царя и наследника трона Болгарии, доставка означенных лиц дирижаблем в Москву, государственный переворот в Болгарии под видом отречения от престола в пользу нового царя Бориса, вскрытие системы фортов, охраняющих вход в Проливы, операции, призванные помочь армии взять Константинополь и Дарданеллы, Антиохия, Иерусалим, Галиция, Курляндия, горы Словакии, мосты Германии и Австро-Венгрии. Чего стоила покупка Емцем мостов через Марицу, открывшая дорогу русской армии в Восточной Фракии или сегодняшний блестящий захват им же складов с химическим оружием уже здесь, в Митаве.

Все это требовало множества инициативных и дерзких командиров, которых граф Слащев-Босфорский собирал словно жемчужины по всей армии русской. Но дерзость и инициативность на фронте часто оборачивалась стычками, и не только словесными, уже в тылу, слишком уж яркие собрались личности, слишком уж своевольные и болезненно честолюбивые. Возможно, когда-нибудь потом, лет через десять, Силы специальных операций и приобретут степенность и благообразность, но пока, пока все сшито буквально на грубую нитку, конфликты случались регулярно.

Вот происходило на его глазах прямо все то, что так блестяще описал Александр Дюма в своих «Трех мушкетерах», замени только гвардейцев кардинала на «Кубанский конный отряд особого назначения» есаула Шкуро, а мушкетеров на, к примеру, «жестянщиков Емца» – Особую моторизованную роту подполковника Анатолия Емца, регулярно ввязывающихся в стычки между собой. И не только между собой.

Или та же поручик Иволгина – чем не Миледи Винтер и Констанция Бонасье в одном лице? Блестящая операция в Софии, позволившая осуществить дерзкое похищение болгарских царя и наследника, во многом стала возможной именно благодаря великолепной работе Натальи Иволгиной. И не только эта операция.

Но в тылу она вдруг начинала притягивать к себе внимание мужчин, да так, что нередко становилась источником конфликтов и даже поводом для дуэлей, как тот же, уже ставший легендарным вызов на дуэль есаула Шкуро тогда еще капитаном Емцем. Шкуро тогда нашел формальный повод уклониться от дуэли, но, как говорится, осадочек-то остался.

И хорошо вовремя поступил запрос на поиск кандидатуры камер-фрейлины для юной Императрицы Марии, так что Слащев, пусть и скрепя сердце, все же подал ее кандидатуру на

рассмотрение Государя. Нужно ли говорить, что Михаила Второго ее кандидатура устроила? Зря что ли при Дворе он собирает столько неординарных личностей?

Так что, пусть ССО и лишилась блестящего офицера, но граф тешил себя надеждой на то, что Империя в целом от этого только выиграла. И теперь он с некоторым замиранием сердца следил за новостями Двора, внутренне ожидая того момента, когда Иволгина освоится и проявит себя во всю ширь своего выдающегося таланта.

Или взять того же Емца. Умница, тонкий психолог, прекрасный аналитик, офицер, который так часто просто виртуозно решает самые немыслимые вопросы, тем не менее, регулярно наравляется на различные неприятности в тылу.

И таких кадров у Слащева полный комплект. Хоть приключенческий роман пиши. Хоть мемуары.

ГЛАВА

II

. ДА ГРЯНЕТ БАЛ!

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. САПИЕНЦА – РИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

– Маргарита Анкона, Ассоциация женщин. Ваше Императорское Величество, мы слышаны о том, что в России женщины имеют избирательные права наравне с мужчинами. Считаете ли вы, что и в вашей родной Италии следует дать женщинам избирательные права?

Бывшая принцесса Иоланда Савойская улыбнулась.

– Благодарю вас за вопрос, синьора Анкона. Как Императрица иностранного государства я не имею права и не считаю возможным комментировать события в Италии или навязывать свое видение по тому или иному вопросу внутриитальянской жизни. Могу лишь сказать, что в России и Ромее женщины получили не только избирательные права наравне с мужчинами, но и вообще права женщин и мужчин в Империи Единства сейчас равны. Женщины, например, могут свободно служить на госслужбе, в армии или авиации. Стоящая рядом со мной моя камер-фрейлина Наталья Иволгина является действующим офицером русских Сил специальных операций.

Собравшиеся дамы ахнули и с завистью уставились на невозмутимо стоявшую Иволгину, затянутую в столь выгодно (возможно и несколько вызывающе) подчеркивающую фигуру армейскую униформу. Сиял боевой орден на груди, горела золотом рукоять наградной сабли с темляком георгиевской ленты. Настоящее живое воплощение патриотического плаката ведомства графа Суворина. Да и слава русских ССО уже проникла в Европу, придавая сказанному Императрицей Марией Викторовной дополнительный шарм.

Вот только мало кто из присутствующих на этой встрече представлял себе насколько опасной может быть сия двадцатипятилетняя барышня, невозмутимо стоящая у кресла Императрицы Единства. И если потребуется защитить свою Государыню от любой опасности, то эта милая мадмуазель мгновенно превратится в вышколенную машину смертоубийства, не знающую пощады и сомнения.

Хотя сама Иволгина предпочитала добиваться результата без шумных эффектов, считая стрельбу грубой работой, свидетельствующей и полном провале поставленной задачи. А провалов она не любила. Как и тех, кто в них был повинен.

А Императрица тем временем расписывала достоинства своей камер-фрейлины, явно наслаждаясь производимым эффектом:

– Итак, дамы и господа, имею честь рекомендовать вашему вниманию потомственную дворянку Наталью Иволгину, дочь генерала Николая Иволгина. Выпускница Петроградского Смольного института благородных девиц, член Петроградского стрелкового клуба, член Петроградского автотоклуба. На фронте с первого месяца войны. Кавалер-дама Ордена Святой

Анны третьей степени с мечами и бантом. Награждена «Георгиевским оружием за храбрость». За отличие на поле боя досрочно произведена в чин поручика.

Наталья стоически терпела это театральное представление, которое рекомендовал устроить граф Суворин. Что делать, придется побыть рекламным плакатом, чего не сделаешь для пропаганды и прикрытия своей неофициальной деятельности. Зато можно представить, какой эффект это все произведет в Европе, да и поток добровольцев в армию и в авиацию резко увеличится.

– И наконец, камер-фрейлина поручик Иволгина горячая сторонница женского равноправия во всем мире и новой жизни женщин в современном обществе. Равные права, просвещение, медицина, возможность равных возможностей – все это будет обсуждаться в новой газете «Женский взгляд», учредителем которой выступила синьора Иволгина. Я горячо поддерживаю это начинание и надеюсь стать постоянным автором этого издания.

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

– Так что там с тем немцем? Репортеры и делегация Красного Креста уже на подъезде к нам. Что удалось выяснить?

Емец доложил по всей форме.

– Ваше сиятельство! Из полученных в ходе дознания сведений удалось установить следующее. Первое. Непосредственным исполнителем несостоявшегося подрыва склада с отравляющими баллонами действительно был гауптман Вебер, и он это признает. Второе. По его словам, приказ о взрыве пришел по инстанции от командующего 8-й армией генерала фон Кирхбаха, но, судя по всему, этот приказ отдал главнокомандующий группой армий «Эйхгорн» генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, хотя подтвердить документально мы это не можем. Впрочем, в портфеле у Вебера достаточно других интересных документов, в том числе и тех, что мы сможем продемонстрировать международной прессе. И, третье. Сам гауптман Вебер, снимая ответственность с кайзера и всей Германии, готов свидетельствовать против генерала фон Кирхбаха, готов дать показания трибуналу и говорить с репортерами об этом деле.

Командующий ССО удовлетворенно кивнул.

– Прекрасная работа, Анатолий Юрьевич. Готовьте пациента к встрече с прессой.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Что-то еще?

Подполковник кивнул:

– Так точно, ваше сиятельство. Имеется личный вопрос, если позволите.

– Гм, ну, давай свой «личный вопрос», хотя он мне заранее не нравится.

– Ваше сиятельство, я повторно намерен требовать сатисфакции от есаула Шкуро.

– О, Господи, Емец, нашел время. Тебе, что, мало моего решительного запрета на дуэли?

– Я верен Государю Императору и чту вас, как отца-командира, но я требую созыва офицерского суда чести. Негодяй и мерзавец Шкуро не может служить в рядах ССО, не говоря уж о нетерпимости сего положения для моей чести.

Слащев едва удержался от едкой реплики относительно того, что негодяи, мерзавцы, а часто и полные отморозки отнюдь не редкость в их конторе, такова специфика их деятельности. Но вслух генерал смягчил формулировки.

– Емец, ты должен понять, что дуэли сейчас идут на пользу врагу. Наша контора почти вся состоит из людей, которые не терпят друг друга. Если я позволю дуэли, то русская армия лишится самых эффективных своих отрядов.

– Ваше сиятельство, я потомственный дворянин и офицер Лейб-Гвардии Его Императорского Величества Георгиевского полка. И если вы мне откажете в моем праве удовлетворения чести, то я, как Кавалер Ордена Святого Архистратига Михаила и Кавалер Ордена Святого Георгия, обращусь к Августейшему шефу моего полка Государю Императору Михаилу Александровичу. Верю, что Его Величество чтит кодекс чести, а также помнит о временах, когда я, в числе прочих георгиевцев, был рядом с ним со времен подавления мятежа в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Равно как и в прочих местах, где Государю Императору требовались верность и честь.

Император помнит об этом, тут командующий не сомневался. Как и помнит о том, как сам Яков Слащев вел ночью мятежный Лейб-Гвардии Финляндский запасной полк на захват Зимнего дворца и на арест (а, возможно, и на убийство!) только-только взойшедшего на престол Михаила Второго. Лишь чудо тогда спасло Царя и всю Россию. Император простил полковника Слащева и возвысил его, хотя тот, раскаиваясь, просил не за себя, а за тех, кого он подбил на выступление. Простил и дал шанс искупить.

А остальных мятежников повесили в Москве на Болотной площади. Стройными рядами повесили, включая бывших Великих Князей, депутатов Госдумы, генералов, промышленников, землевладельцев и прочих, кто активно участвовал в заговорах против Его Величества.

И Слащев всегда помнил, что он тоже должен был там висеть на потеху публике, как кольцо краковской колбасы на Рождество. А потому служил Государю не за страх, а за совесть.

И не счесть, сколько благодарственных свечей он поставил в храмах, благодаря Бога, что не дал Он ему стать цареубийцей, и не дал истории России пойти по иному пути.

Емец бросил на чашу весов еще один весомый аргумент:

– Тем более что речь идет о чести известной вам дамы.

Командующий ССО хмуро глядел на подполковника.

– Вот только не говори, что он привселюдно оскорбил камер-фрейлину Ее Величества.

– Не скрою, имя не было произнесено, но о ком речь, было понятно каждому. Тому было множество свидетелей, ваше сиятельство. И в сложившейся ситуации, я, как вы понимаете, не могу не вызвать мерзавца на дуэль.

Слащев чертыхнулся про себя. Дуэлянты, мать их! «Три мушкетера» на сцене погорелого театра!

Нет, понятно, что Шкуро давно и упорно нарывался на неприятности, а упрямство не компенсирует отсутствие здравого смысла. Ведь одно дело нахамить даме, другое, если эта дама сама является офицером ССО и сама в состоянии отстрелить голову хаму, а третье, если эта же дама вдруг еще и возвысилась до личной камер-фрейлины Государыни. Тут надо быть круглым идиотом. Или есаулом Шкуро, если этот упрямый осел не желает понимать очевидного.

Но и Емец рвется на рожон, правда, этот хотя бы понимает в какие игры он играет и во имя чего. Эдакий «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». Весь такой себе на уме и с благородством на лице. Играет в оскорбленное достоинство.

И, главное, предмет их спора ныне вне их досягаемости. И даже, более того, дама сия дала от ворот поворот им обоим! Эх, Иволгина-Иволгина, ты уже далеко, а битва за твою благосклонность все никак не утихнет! Что ж ты делаешь с мужчинами!

– Если ты Шкуро вышибешь мозги, то я буду вынужден отправить тебя под трибунал, а там тебя спасти может лишь Государь Император.

Емец позволил себе смиренно потупить взор и вздохнуть, говоря:

– Я приклоню колени пред Его Величеством и буду просить о помиловании.

– А тебе никто никогда не говорили, что в тебе умер великий актер, а, Анатолий?

Тот вновь вздохнул.

– Видимо, недостаточно хороший актер, ваше сиятельство, раз вы думаете, что я играю. Я же от всего сердца.

– Да ты романтик, как я погляжу.

– В некотором роде, ваше сиятельство.

Командующий хмыкнул и, побарабанив пальцами по столу, выдал свое резюме:

– В общем так, Емец. Твоя позиция мне понятна и, скажу более, вызывает симпатию. Честь дамы – это святое, тем более если речь идет о персоне, столь близкой к трону. Но, вопрос с судом офицерской чести придется отложить до лучших времен. Есаул Шкуро уже отбыл в глубокий рейд по германским тылам и дату его возвращения я назвать не могу по понятным причинам. Так что, подполковник Емец, потрудитесь вернуться к своим обязанностям.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

– Так-то лучше. Готовьте пациента к публичному вскрытию. Репортеры уже близко.

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. КВИРИНАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ. 24 сентября (7 октября) 1917 года. Несколько ранее.

– Ты видела безумца?

Это был первый вопрос, который сегодня задала Императрица Мария по возвращению Натальи в Квиринальский дворец.

– Да, Ваше Величество. Не только видела, но и присутствовала на допросе, и даже задала ему несколько своих вопросов. Через переводчика, разумеется.

Во внимательном и пытливом взгляде юной Царицы, Иволгиной ясно виделось внутреннее смятение и большое беспокойство, которое охватило душу монаршей особы.

– И что ты скажешь об этом деле?

Отвечать следовало очень осторожно, поскольку тема была весьма щекотливой и чреватой непредсказуемыми последствиями. Особенно с учетом ее беременности.

– По личному поручению главы Имперской Службы безопасности генерала Ходнева следствие по делу поручено полковнику ИСБ Чернову. Говорят, что он очень толковый специалист. На меня он произвел хорошее впечатление. Теперь относительно личности самого бомбиста. Человек, бросивший бомбу в ваш автомобиль, это португалец, тридцати трех лет от роду. Бросил жену и детей, отправился странствовать. Был в толпе при очередном Фатимском чуде. Религиозный фанатик, которому якобы было какое-то видение. Вы очень метко называли его безумцем, ибо он таковым и является на самом деле.

– Какого рода видение? Кого он увидел?

– Он утверждает, что видел светящийся силуэт, который он считает образом Девы Марии.

Императрица Мария прошла по своим бывшим апартаментам, и хорошо знакомая обстановка сейчас явно тяготила старшую дочь итальянского короля.

– То, что кричал этот человек там, на улице, после того, как бросил бомбу, все эти его крики об Антихристе и Армагеддоне, все это ему было сказано в этом видении? Или это его личные выводы?

– Его сознание помутилось, речи путаны, в воспаленном воображении фанатика все время возникают какие-то образы, он слышит голоса. Думаю, что хороший психиатр смог бы разобраться через некоторое время. Возможно, через довольно продолжительное время. – Иволгина постаралась перевести доклад на менее щекотливую тему. – Меня беспокоит другое, Ваше Величество. Это человек явно не сам собирал эту бомбу, поскольку ровным счетом ничего не смыслит во взрывчатых веществах. С другой стороны, бомба совершенно кустарная, сделана явным дилетантом. Из чего я бы сделала вывод о том, что у него были какие-то сочувствующие, но это явно не профессионалы.

Государыня кивнула.

– Да, тогда в Таранто та бомба взорвалась...

– Точно так, Ваше Величество. Ту бомбу делали профессионалы из группы Бориса Савинкова, а эту – какие-то самоучки с кривыми руками.

Наталья постаралась хотя бы немного разрядить обстановку, прекрасно зная, что это воспоминание крайне болезненное для ее госпожи. Лишь чудо, толщина дубовых досок трибуны да отчаянный прыжок помощника князя Волконского господина Жилина, прикрывшего принцессу Иоланду своим телом, уберег тогда будущую русскую Императрицу от верной гибели.

Но Царицу было непросто сбить с линии ее размышлений. Упрямство было фамильной чертой не только Романовых.

– Натали, что говорил этот безумец во время допроса об Армагеддоне?

Досадуя на неудавшуюся попытку, перевести разговор на другую тему, Иволгина была вынуждена отвечать. А что отвечать? Императрица сама все слышала там на улице. И многие слышали вокруг: «Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного... И я увидел жену, сидящую на звере багряном... И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом... Горе, горе тебе, великий город! Рим – блудница вавилонская, вновь возрождается! Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть!» И надо же было так совпасть, что прибывшая с Востока Государыня была в багряном платье, а случайно подвернувшийся один из коней охраны, на котором она вернулась на место происшествия, оказался именно рыжим! Да еще и в момент провозглашения возрождения Римской Империи! Это был не просто скандал, это могло иметь катастрофические последствия. Столько сил, времени и денег было положено на создание образа «Благословенной Марии», а тут такое! Да, и, вообще.

– Это трудно назвать связной речью, Ваше Величество. Его разум помутнен. Он все время выкрикивал какие-то цитаты из Библии, причем довольно хаотически, перескакивая с одного места на другое. Все время впадал то в глубокое отчаяние, то случалась с ним вспышка ярости, то вновь наступала депрессия, и тогда он лишь бормотал проклятия.

– В чей адрес?

– В том числе и в свой собственный, проклиная себя за то, что не смог осуществить задуманное. Сейчас с ним работают дознаватели, в том числе и римские. Ваш царственный отец прислал одного из лучших психиатров Италии. Думаю, что со временем у нас будет больше сведений. Служба безопасности и полиция ищут след сообщника или сообщников. Но, Ваше Величество, не следует забывать о другом покушении, о котором предупреждала баронесса Эфрусси де Ротшильд. Возможно было бы благоразумным отменить сегодняшние встречи? Те же суффражистки, с которыми вы желаете встретиться, весьма опасны и терроризм у них в почете.

– Ты же сама докладывала о том, что в среде этих самых суффражисток я весьма популярна.

– Это так, Государыня. Но никто не может гарантировать, что в их рядах не появится та, которая пронесет бомбу или пистолет на эту встречу. Кого-то из них могут подкупить, запугать, шантажировать. Конечно, в зале будет ваша охрана, в толпе будут барышни из службы безопасности, я буду рядом, в конце концов, но...

Императрица покачала головой.

– Нет, Натали. Ты и так вычеркнула из списка всех, кто вызывал у тебя сомнения. Я не могу отказаться от этих встреч. Заседание совета общества «Италия-Россия», доклад принцессы Боргезе о моих интересах в Италии, встреча со знаковыми семьями и людьми на вилле Боргезе, газета, суффражистки те же. Это большая политика и Большая Игра. И ты, как глава моей личной разведки, должна это прекрасно понимать.

– Да, моя Государыня.

– Суфражистки – наши агенты влияния, как сказал бы мой царственный супруг. Они – тот самый вагон динамита, который взорвет патриархальную консервативную Европу. Россия и РOMEя уже стали образцом для подражания, и мы должны сохранить идеологическое лидерство среди пассионарной публики.

– Да, моя Государыня.

– И вот еще что, Натали. В Рим прибыла французская Августейшая семья. России нужен союз с Францией и нужны хорошие отношения с французской монаршей семьей. А посему, мне нужны сведения из первых рук о том, что происходит вокруг юного короля, его королевы-матери и Изабеллы-младшей. И нужно переключить внимание матери и дочери с моей персоны на другие дела и перспективы. Ты меня понимаешь?

– Да, моя Государыня. Задачу я поняла.

Что ж тут не понять, если Изабелла-младшая мечтала (да и мечтает) выйти замуж за русского Императора, а французская королевская семья видит в браке Михаила Второго с итальянской принцессой не только досадное недоразумение, но и прямую угрозу Франции? А при таких раскладах так легко возникает соблазн зайти очень далеко.

Очень далеко.

Если дать такую возможность. И не принять меры предосторожности.

Что ж, как говорится: «Если занять людей их собственным делом, то в чужие дела они уже не сунут носа», не так ли?

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. САПИЕНЦА – РИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

И вот теперь Натали стояла у кресла своей повелительницы и готова была в любой момент стать тем последним заслоном, который спасет Императрицу Марию в случае возникновения реальной угрозы.

А собравшейся публике палец в рот не клади, ибо откусят по самое ого-го. Одно слово – суфражистки.

– Кристабель Панкхёрст, Женский социально-политический союз, Великобритания. Правда ли, что многие женщины из Европы и Америки, которые не готовы мириться с ущемлением своих прав, переехали сейчас в Россию и многие из них записались в русскую армию? И второй вопрос, с вашего позволения, Ваше Императорское Величество. Считаете ли вы справедливой борьбу женщин за свои права?

– Благодарю вас за хороший вопрос, синьора Панкхёрст. Да, в Россию и РOMEю сейчас устремились многие женщины, это правда. В Единстве не делают различий в правах мужчин и женщин, не случайно наше общество зовётся Единством, а наша основная идея – Освобождение и Служение обществу. Что касается борьбы за женские права в Европе и мире, то, конечно, я им симпатизирую. Однако я против любых насильственных действий, тем более против взрывов бомб и прочего непотребства.

– Но, простите, Ваше Величество, а если мужчины-шовинисты не хотят видеть в нас людей?

Маша развела руками.

– Ну, что я могу тут посоветовать? Боритесь мирными методами. Или приезжайте к нам, у нас всех встречают по способностям, а не по особенностям предметов гардероба. Вообще же, как говорится, мужчинам проще дать женщинам то, что они требуют, иначе они возьмут это сами. Мирными методами, разумеется...

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

Слащев обвел взглядом присутствующих офицеров.

– Итак, господа. Поступили новые данные разведки. Судя по всему, германцы начали спешный вывод своих войск из Курляндии. Не мне вам рассказывать об отчаянном положении союзных войск на Западном фронте, а судя по всему, именно туда и перебрасываются войска с нашего участка. Наша задача максимально затруднить и замедлить отвод немецких войск, давая возможность американцам перебросить во Францию дополнительные дивизии.

Граф указал на карту.

– После взятия нашими войсками Либавы, Виндавы, Митава и Шавли, 20-й армейский корпус немцев оказался на севере Курляндии под угрозой окружения. Сплошной линии фронта там, как вы понимаете, нет, равно как и сил на полноценное окружение у нас недостаточно. Однако, особенности грунта Прибалтийского края и начавшаяся осенняя распутица, привязывают германский корпус к дорогам. По поступившим сведениям, одним из пунктов, через который планируется эвакуация частей корпуса, станет узловая станция Туккум, соединяющая дороги на Виндаву, Митаву и Ригу. После завершения вывода войск, команде минеров поставлена задача уничтожить все стрелочное хозяйство на указанной станции, взорвать вокзальные строения и депо, что, как вы понимаете, весьма затруднит наши собственные транспортные возможности.

Емец смотрел на карту, уже понимая, куда их направят в этот раз. В принципе, Туккум не единственная узловая станция в этом районе, но потеря контроля над ней действительно существенно затормозит немцев.

Генерал меж тем перешел к сути.

– Итак, господа, слушай боевой приказ! Силами Особой моторизированной роты подполковника Емца, совместно с приданным бронепоездом «Меч Освобождения» под командованием подполковника Смирнова, овладеть узловой станцией Туккум и обеспечить сохранность оборудования станции до подхода основных сил русской армии. Командует операцией подполковник Емец. В случае невозможности оборонять станцию, приоритетом будет вывод из строя стрелочного оборудования, без уничтожения прочей инфраструктуры и капитальных строений. Главное – станция Туккум не должна пропускать немцев минимум три дня.

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. ПОСОЛЬСТВО ИМПЕРИИ ЕДИНСТВА. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

Полковник Чернов еще раз перебрал протоколы допроса безумного бомбиста. Почерпнуть в ходе дознания удалось не так уж и много. На первый взгляд действительно похоже, что здесь и в самом деле имеет место классический случай съехавшего с катушек одиночки. Но, кто-то ведь собрал эту злосчастную бомбу для этого горе-террориста? Он ведь ее не на местном базаре купил. Да и путешествие из Португалии в Италию тоже стоит денег, а их у данной персоны отнюдь не так и много за душой. Да и еще одна настораживающая странность – оказался он в нужное время в нужном месте, для того, чтобы суметь забросить бомбу в проезжавшее Императорское авто. И это невзирая на наличие охраны и прочих мер предосторожности.

Случайность? Совпадение? Но Чернову жалование платили вовсе не за то, чтобы он отмахивался от странных совпадений.

Очень похоже, что горе-бомбиста вели и его действиями руководил неизвестный, но опытный кукловод. Однако, как тогда с этим сочетается кустарность бомбы, которая в итоге и

не взорвалась? Или она и не должна была взорваться? Поди знай. Хотя эксперты утверждают, что взорваться она вполне могла, и осечка была лишь делом случая и небрежности при ее сборке.

Так что, это или стечение обстоятельств, или же это очень и очень тонкая игра. И, судя по всему, генерал Ходнев придерживается именно второй версии, иначе зачем он поручил следствие именно Чернову с его знаменитой и всех раздражающей въедливостью?

А слухи о том, что именно кричал фанатик, уже поползли. И судя по темпу продвижения сенсации, к ее восприятию уже было все готово.

Но то ли это покушение, которое они ждали сегодня? Или оно только грядет?

Чернов лишь вздохнул.

Нервная у него служба, что и говорить.

Придется копать.

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. КВИРИНАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

И грянул бал в честь двойной коронации, где центральными фигурами были конечно же два новоиспеченных Императора – римский и французский, а с ними вместе и их Августейшие семейства. Что ж, сегодня их праздник, так что даже Император Единства и принц Уэльский должны были поступиться, отойдя на второй план.

– Ваше Императорское Величество! Разрешите отрекомендоваться – капитан Шарль де Голль, личный адъютант Его Императорского Величества Императора Генриха Первого Французского. Нижайше прошу простить мою дерзость, но дозволено ли мне будет похитить вашу камер-фрейлину? Я осмелюсь пригласить мадмуазель Иволгину на танец.

Императрица Мария бросила короткий взгляд на Иволгину и улыбнулась долговязому французу.

– Не возражаю, если конечно мадмуазель Иволгина не против.

Наталья кивнула. И вот они уже кружили в огромном зале дворца среди сотен таких же пар. Впрочем, таких же, да не очень, ведь если кавалеров в военных мундирах в зале хватало, то вот Иволгина среди дам была такая одна. Так что не было ничего удивительного в том, что на них постоянно косились и даже откровенно оглядывались.

Однако, судя по всему, французскому капитану льстило такое внимание, и он буквально расцвел от гордости.

– Мадмуазель Иволгина... Или вы предпочитаете обращение «госпожа поручик»?

– Как угодно, мсье де Голль, мы же не на плацу.

– Совершенно с вами согласен. И пожалуйста, обращайтесь ко мне Шарль, тем более что мы равны по положению при Дворе, мы оба офицеры примерно в одном чине, да и я не так уж вас и старше, ведь мне всего-то двадцать шесть лет.

Наталья улыбнулась.

– У меня такое ощущение, что вы навели обо мне справки. Вы всегда так делаете, когда хотите пригласить даму на танец?

– О, нет, это исключительный случай, коронация, протокол и все такое. Никак нельзя оконфузиться, сами понимаете, тем более что вы, мадмуазель Иволгина, в самом центре всеобщего внимания.

Иволгина рассмеялась.

– О, нет, Шарль, вы мне слишком льстите. Безусловно, в центре всеобщего внимания в этом зале находятся царственные особы – Императоры, Императрицы, короли и королев,

цари и царицы, принцы и принцессы. Нам же, простым смертным, остается довольствоваться лишь отблеском их величия.

– Часто лучи славы затмевают блеск величия, мадмуазель Иволгина...

– Для вас – Натали.

– Благодарю вас, Натали. Вы ведь воевали, не так ли? Ордена и оружие «За храбрость» просто так не дают.

– Да, я воевала. Но и наш Государь Михаил Второй прошел всю эту войну, лично водя своих солдат на пулеметы противника. А победы в Проливах и при Моонзунде доказали и его стратегический гений, как командующего. За это солдаты его и ценят.

Француз кивнул, досадуя на такой поворот темы.

– Уверен, что наш Император Анри, когда подрастет, докажет миру и свой гений.

– Безусловно.

Разговор как-то расстроился, танец кончился и возникла неловкая пауза. Де Голль поспешил переменить тему, уповав на то, что новая тема наиболее комфортна для его спутницы.

– А правда, что в России права женщин уравнивали с правами мужчин?

Вопреки его ожиданию, Иволгина ответила не сразу. Они успели выйти на балкон, когда Натали с горечью сказала:

– Да. Это так. Но и у нас надо бороться за свои права. Слишком велик груз прошлого...

Она вспомнила все те перипетии, которые стояли на ее пути все эти два с половиной года. Да, она смогла поставить себя и стать грозой всякого рода ловеласов и откровенных скотов, но было ли ей от этого легче? Как объяснить ухажерам, что пришла ты в армию не искать удачную партию или покровительство, а мстить немцам за погибшего в первом же бою жениха? И, благо, она сама опытный боец, и могла за себя постоять, но как другим барышням? Как будет тем из них, кто насмотрится на ее сегодняшние пропагандистские плакаты и поверит в это самое равенство?

Но, почувствовав, что разговор окончательно ушел в неприятные темы, она спросила:

– А что говорят во Франции относительно прав женщин в России?

Капитан запнулся. Затем неохотно выдал:

– У нас многие говорят, что Россия слишком истощила себя и вынуждена призывать в армию женщин. И что повтор этого у нас, будет означать, что мы официально расписываемся в своей беспомощности, в том, что у нас больше нет мужчин воевать. Впрочем, мне кажется, что эта тема не совсем подходит к атмосфере бала.

– Согласна. А вы, Шарль, как стали адъютантом Императора?

– Я воевал в 33-м пехотном полку, когда его командиром был покойный глава Франции генерал Петен. Был дважды ранен. В третий раз меня посчитали погибшим и оставили на поле боя. Так я попал в германский плен. Пять раз пытался бежать. Кстати, в крепости Ингольштадт я познакомился с русским пленником – поручиком Тухачевским. Он потом бежал. И мне в шестой раз удалось совершить побег. Добравшись до своих, я оказался в самой гуще событий, и видимо был нужен, как срочный вариант народного героя.

– Для мобилизационного плаката?

Тот горько усмехнулся.

– Видимо так и есть. Впрочем, это пустое. Не желаете ли выйти в сад? Говорят, что он здесь весьма недурен. Во всяком случае гром праздника там не так давит на уши.

Наталя пожалала плечами.

– Для начала мне нужно удостовериться, что я не понадобилась моей Государыне. Равно как и предупредить ее о том, где меня искать в случае необходимости. Впрочем... судя по поднявшейся суете, в сад мы пройдем как-нибудь в другой раз.

Тут Иволгина увидела стремительно идущего через зал Михаила Второго, который приближался к Императрице Марии.

– Увы, Шарль, я вынуждена вас покинуть. Возможно, встретимся в иной раз.

– Да, вы правы, мне тоже необходимо поспешить к своему Государю. Увидимся позже...

Не слушая его ответ, камер-фрейлина поспешила к своей госпоже.

Уже подходя, Натали отметила, как Государь, невзирая на поднявшуюся суматоху, нежно поцеловал жену, прежде чем вновь удалиться.

«А ведь они действительно любят друг друга!». Подумав это, Иволгина почувствовала вдруг даже укол зависти к чужому счастью.

– Что случилось, Государыня?

Царица отвела взгляд от уходящего супруга, и ответила задумчиво:

– В Лондоне взрыв. Погиб король Георг. Все вокруг вверх дном. Или почти все. Впрочем, чему я удивляюсь?

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. КВИРИНАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ. 24 сентября (7 октября) 1917 года.

Через четверть часа Иволгина случайно наткнулась на Михаила Второго, стоявшего в одиночестве на балконе дворца, и что-то напевавшего себе под нос. Прислушавшись, Наталья разобрала:

– Черный ворон,

Что ж ты бьешься,

Под моею ты ногой.

Ты добычи не дождался.

Черный ворон?

Упокой!!!

Мотив был знакомым, только Государь пел его как-то необычно, быстрее, под новую, ритмичную мелодию и даже слегка отбивал рукой такт о парапет балкона.

Не желая быть замеченной, Наталья поспешила удалиться, заметив про себя, что настроение у Императора было великолепным.

ГЛАВА

III

. НОЧНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. СТАНЦИЯ МИТАВА. 24 сентября (7 октября) 1917 года. Вечер.

– Еще раз повторяю, господа, никакого повышенного героизма и прочей отсебятины. Ночью или на рассвете вошли, изящно решили вопрос, методично отбились и сдали город подошедшим полевым частям. Если возникнет непредвиденный казус – отходите! Мне не нужны потери, господа! Каждый из ваших бойцов на вес золота – помните об этом!

Слащев продолжал накачку, и Емец видел, что командующий чем-то сильно встревожен или раздосадован. Наконец, причина, вроде как, прояснилась, когда генерал мрачно уведомил:

– Исходя из высших политико-стратегических соображений, вам приказывается взять с собой группу репортеров, фотографов и прочих хроникеров. Помните, что в состав этой пресс-группы войдут и иностранные писатели!

Последнее слово генерал сказал с крайней степени неприязни, и Емец удержал готовое было сорваться словцо, и лишь спросил хмуро:

– А это еще зачем, ваше сиятельство?

– Таков приказ. Необходимо провести образцовую показательную операцию.

Подполковники переглянулись. Наконец Смирнов уточнил:

– И куда их девать, ваше сиятельство? Я так думаю, что в эшелон?

Командующий в ответ лишь скривился.

– Легкой жизни захотел, Смирнов? Так я тебя обрадую – с вами в бронепоезде поедет Лейб-фотограф Его Императорского Величества господин Прокудин-Горский. И кто-то из специальных корреспондентов ТАСС. Остальных, да, можете в эшелон, но так, чтобы они поменьше путались под ногами, меньше видели и, что самое главное, чтобы никто из них не словил глупую пулю в свою дурную голову! Особенно это касается репортера шведской Проппер-Ньюс. Воня потом не оберешься.

Емец не удержался от восклицания:

– О, Господи! А он-то нам зачем???

Слащев холодно смерил его взглядом.

– Есть желание обсудить приказ, подполковник Емец? Погоны жмут?

Тот вытянулся.

– Никак нет, ваше сиятельство!

Побуравив подчиненного взглядом, отец-командир закруглил тему:

– А, вот и ваши гости пожаловали. Как говорится, встретьте их хлебом солью, ведите себя при них хорошо и не сильно уж бедокурьте там. При них.

Офицеры мрачно кивнули.

– Рады стараться, ваше сиятельство.

– А уж я-то как рад, вы себе представить не можете. Все, отставить разговорчики! – Слащев состроил радушие и обратился к подошедшим представителям отечественной и зарубежной прессы. – Господа, разрешите вам отрекомендовать подполковника Сил специальных операций Анатолия Емца, командира этой экспедиции, а также подполковника Василия Смирнова, командира бронепоезда №15 «Меч Освобождения».

Минут через десять, когда первые вопросы уже были заданы, ответы на них получены, а журналистская братия, в сопровождении подполковника Смирнова и капитана Жарких, отправилась занимать свои места «согласно боевому расписанию», Слащев остановил откозырявшего уже было Емца.

– Задержись на пару слов, Анатолий Юрьевич.

Подполковник насторожился.

– Слушаю вас внимательно, ваше сиятельство.

Командующий помолчал, явно решая для себя, что он может сказать, а о чем лучше промолчать. Наконец, генерал заговорил:

– Вот что, Анатолий Юрьевич. Нехорошее у меня предчувствие. Не знаю, с какой стороны ждать подвоха, но чую я в воздухе что-то такое. Потому именно тебя и отправляю, что верю в то, что ты сумеешь сориентироваться и принять единственно правильное решение. Тем более и писаки эти еще с вами. Понимаешь меня?

– Так точно, ваше сиятельство, понимаю. Не извольте беспокоиться, сделаю, все, что только потребуется, чтобы не посрамить войска ССО.

Слащев покачал головой.

– Бери выше, Анатолий Юрьевич, придется постараться не осрамить Россию и лично Государя Императора. Пресса едет с вами, помни об этом. В том числе и этот тип из шведского Проппер-Ньюс, а ты же помнишь, сколько дерьма они выливают на Россию ежедневно со своих паршивых страниц по всякому поводу и без повода! Так что этому типу только дай возможность к чему-то прицепиться!

Емец бросил взгляд на суету, которая поднялась в связи с прибытием новых пассажиров и вздохнул:

– Беспокойный же народ эти репортеры. Того и жди с ними каких-то неприятных приключений. То животом маются на нервной почве, то ноги себе ломают, споткнувшись о шпалу.

– О какую еще шпалу?

Анатолий небрежно махнул рукой в сторону суеты у вагонов:

– О любую, Яков Александрович, вон их там сколько в темноте. А они – народ творческий, чисто дети малые, вообще не смотрят под ноги.

Но Слащев решительно приказал:

– Так, господин подполковник, вам поручена эта операция и извольте изящно обеспечить ее всяческий успех! И следите за тем, чтобы никто из репортеров животом не маялся и ног не ломал! Вам все ясно?

Емец козырнул.

– Так точно, ваше сиятельство! Разрешите идти?

– Идите. Храни вас Бог, Анатолий Юрьевич. Не посрамите Россию-матушку.

– Не извольте сомневаться, ваше сиятельство. Не впервой.

Глядя вслед подполковнику, спешащему к стальным бокам бронепоезда, граф лишь мрачно покачал головой. Странное что-то творилось вокруг. Витало в воздухе ощущение чего-то эдакого, тревожного. В том числе и в верхах командования.

Что это? Головокружение от успехов, о котором предупреждал Государь? Ощущение близкой победы и желание перетянуть на себя одеяло славы? Или же все значительно глубже и хуже?

Опять пошло соперничество между генералами, вновь каждый начал тянуть одеяло в свою сторону, игнорируя взаимодействие с соседями, и часто откровенно желая навредить «сопернику», не дав ему достичь успеха. Особенную зависть, ревность и неприязнь у многих «простых генералов и офицеров» стали вызывать Силы специальных операций и лично он, граф Слащев. Слишком большие победы, слишком много незаслуженной, по мнению злопыхателей, славы. Так и жди подвоха, а то и откровенного удара в спину.

Впрочем, и внутри ССО все было отнюдь не благополучно. Болезнь всей армии распространялась и на ведомство Слащева, где слишком многие откровенно ненавидели друг друга или, как минимум, с удовольствием бы стали свидетелем чьего-то провала. Да и с дисциплиной все не так уж и хорошо. Если не сказать больше. Слишком разнообразные подразделения собраны под одним флагом. Та же волчья стая есаула Шкуры, сменившего фамилию на более благозвучную «Шкуро», была скорее бандой лихих, но очень дерзких разбойников с большой дороги, чем слаженным и дисциплинированным армейским подразделением. Наверняка беду курят сейчас где-то, двигаясь по направлению к Восточной Пруссии. Откровенно говоря, сам граф Слащев не мог точно сказать, чему он обрадуется больше – героическому возвращению банды Шкуро из рейда или же куда более героической их гибели где-то там, на далеких полях сражений. Во славу России, разумеется.

Вообще же, симфония управления, которая столь блестяще себя показала во время триумфальной победы над германским флотом у острова Эзель и не менее славного разгрома осман в битве за Проливы, фактически вновь распалась на неорганизованную какофонию, стоило главному дирижеру – Государю Императору, покинуть штаб. И чем дальше от Ставки был Михаил Второй, тем больше падала дисциплина. Началась суета какая-то нездоровая, подняли голову притихшие после Моонзунда штабные крысы. Шепотки, смешки, косые взгляды, порой откровенно враждебные. Причем, дисциплина упала именно в штабах, хотя, разумеется, бардак, по законам природы, уже начинал зловонными помоями сливаться вниз – в полки и батальоны.

И в этом отношении Слащеву представлялось ошибочным Высочайшее решение о том, чтобы Император вновь принял обязанности главковерха. Нет, когда Государь действительно во главе армии, то дела на фронтах идут в целом хорошо, а дразги в штабах сводятся к минимуму. Но, проблема в том, что у Михаила Второго под его властной рукой вся Россия, с Ромеей в придачу, да и общемировые политические дела никак нельзя оставлять без внимания. А

Государь, хоть и Помазанник Божий, но все же человек, со всеми его слабостями и ограниченными возможностями, который не может объять необъятное.

Конечно, кто такой Яков Слащев, чтобы судить о действиях Михаила Второго, но Государь сейчас в Риме, а армии крайне не помешала бы железная хватка генерала Гурко. Лукомский же лишь наштаверх, а отнюдь не верховный главнокомандующий.

Возможно, ситуацию бы оздоровило успешное наступление, но сроки наступления вот уже в третий раз переносятся. Возможно, Государь и сам видит сложившееся положение и следует вновь ждать его появления во главе наступающей армии? Да, это было бы логичным, он, вне всякого сомнения, вновь привел бы всех в чувство. Но ведь время уходит, Император решает дела в Риме, а тут вскорости вся местность станет непролазным болотом и придется ждать морозов, а то и весны 1918 года.

Свисток бронированного паровоза прорезал ночь, и стальное чудовище покатило по рельсам вдаль. Вслед за ним выдвинулся и эшелон, половина вагонов которого составляли открытые платформы с укрытой брезентом техникой «жестянщиков Емца».

Глядя вслед уходящим составам, граф с чувством перекрестил отбывающих.

Что ж, такие поезда снуют сейчас по всем рокадным прифронтовым дорогам. Да, наступление готовили, пусть уже трижды переносили сроки, но готовили, создавая операции прикрытия и дымовой завесы, под официальным предлогом – задержать переброску германских частей во Францию. Франция, конечно, союзник, но не стал бы Государь использовать специалистов ССО в операциях, вроде той, на которую отправился Емец. Послали бы обычный батальон, пусть и ударный. Дешево и сердито. Примерно с таким же дешево-сердитым результатом.

Тем более что весь Прибалтийский край сейчас просто нашпигован всякими русскими отрядами различного подчинения, многие из которых действуют в режиме глубокого рейда на свой страх, риск и разумение, часто натываясь друг на друга. Сколько уже было случаев стычек и даже «дружественного огня», поскольку такие отряды действуют, имея лишь приказ с указанием районов рейда, а также общую задачу уничтожить мелкие подразделения и гарнизоны немцев, мешать их передвижению, атаковать склады и прочее хозяйство, сея в тылу германской армии хаос в преддверии ожидающегося наступления, призванного окончательно выбить немцев из Прибалтики.

Но невозможно вечно находиться в рейде. Изматываются люди, устают лошади, требуется отдых и пополнение припасов, особенно оружия и патронов, даже если использовать трофеи. Вполне может оказаться, что в самый решительный момент командования просто не окажется достаточно боеспособных подразделений, могущих эффективно выполнять боевые задачи. Да и погода явно портится. Как говорится, уж полночь близится, а Германа, в смысле наступления, все нет...

– Ваше сиятельство!

Слащев обернулся к спешащему дежурному по станции.

– Что стряслось?

Зауряд-поручик Анисимов, приложив ладонь к фуражке, доложил:

– Ваше сиятельство! Там проблема у нас. Репортер шведский от поезда отстал!

– Как-так отстал?

– Так точно, ваше сиятельство! Он, значит, в последнем вагоне расположился, а тут выяснилось, что каким-то образом оставил на платформе свой фотоаппарат. Он за ним, значит, выскочил и побежал, а поезд-то туту, ну и поехал. Дернулся было швед за составом, но куда там, не догнал понятно. С фотоаппаратом-то!

Командующий ССО кивнул:

– Да, беда. Ну, что ж, такова его судьба. Нельзя быть таким растяпой.

– Он сильно убивается там, говорит, что, мол, редакционное задание и все такое.

– Передайте ему, Михаил Петрович, чтобы он не убивался почем зря. Найдем ему другое место для работы, война еще не окончена. И что его редакция получит вполне красивый репортаж.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

И глядя вслед уже уходящему зауряд-поручику, Слащев заметил сам себе:

– Как сказал бы в подобном случае наш Государь: «Кто на поезд не успел, тот плохой пассажир».

* * *

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. БРОНЕПОЕЗД №15 «МЕЧ ОСВОБОЖДЕНИЯ». 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

– Вот смотри, вот здесь, почти что в трех километрах от станции, железная дорога огибает поросший лесом холм. Если верить данным конной разведки, то вот здесь, в лесу за холмом, установлены два замаскированных немецких 77-миллиметровых орудия FK 96 п.А., которые прикрывают подъезд к станции Туккум-2 с юго-востока, то есть как раз со стороны Митавы. – Емец обвел указкой участок на расстеленной на столе карте. – Прикрываясь этим холмом они вполне могут в упор расстреливать бронепоезд в этом квадрате, как только поезд появится из-за поворота. И не факт, что данные разведки точны и там нет никаких больше сюрпризов. Наверняка на самой высоте оборудован наблюдательный пункт, а может и пара-тройка пулеметных гнезд. Тем более что сам холм длинный, километра полтора, а с той стороны начинается овраг, что затрудняет атаку отсюда. К тому же, лично меня смущает тот факт, что в батарее обычно четыре орудия – где же еще два? Конечно, они могут прикрывать станцию или располагаться в другом месте обороны, но все же? Или их просто не нашли?

Смирнов кивнул, соглашаясь.

– Да, место неприятное. И лес с этой стороны некрасивый. А, судя по карте, холм будет мешать нам ударить издали, так что, если дойдет до стрельбы, то тут все зависит от того, кто первый попадет, ведь бить будем практически в упор. А спрятать прущий в тишине ночи лязгающий бронепоезд несколько сложнее, чем установленные заранее в лесу орудия, которые, к тому же, наверняка уже пристреляли позицию. Даже если их там всего пара, а не четыре, и они никуда не перемещались, нашим комендорам будет непросто накрыть замаскированные орудия с первого же залпа. А вот противник вряд ли промахнется с пары сотен метров, а, низкая точность этих устаревших орудий будет с лихвой компенсирована большей массой снаряда. А десять выстрелов в минуту на каждое орудие никто не отменял. Так что, если твои орлы не достигнут успеха, то нам придется высылать вперед большой штурмовой отряд, дабы связать боем противника и дать возможность бронепоезду выйти на участок стрельбы. Или же переть на самом полном ходу, в надежде как можно скорее разорвать огневой контакт и прорваться на станцию, получив при этом минимум повреждений.

– Я бы исходил из того, что они предельно настороже. Общая ситуация на фронтах и в тылу такова, немцы даже по нужде должны бояться уходить в кусты в одиночку, что уж говорить о настороженности часовых и наблюдателей. И по поводу того, что трудно попасть в замаскированную цель, я бы поспорил. Даже если мои бойцы не смогут тихо обезвредить батарею противника, то уж обозначить ее хотя бы на десяток-другой секунд они должны. Задача твоих комендоров будет просто стрелять в упор на полном ходу. Хватит у них навыков?

– Не уверен.

– Ладно, неважно, не в этом дело.

– А в чем?

Емец помолчал, прикидывая варианты того, как бы поступил он сам на месте немецкого командования. И ход собственных мыслей ему категорически не нравился.

– Не знаю. Криво как-то все. Прямо здесь всё кричит во все горло о том, что нас ждет подвох. Ты, знаешь, я склонен согласиться с ощущением командующего, что в этой всей истории есть что-то, что весьма дурно пахнет.

– Граф говорил вообще, а не только в отношении нашей операции.

– Ну, про «вообще» пусть он думает сам, на то он и командующий. А вот в этой истории есть некоторые странности, которые, впрочем, могут ничего не значить, если со стороны немцев действуют тыловики или какие-то наспех снятые с фронта артиллеристы. Или будь на месте германцев турки, то я бы то же не беспокоился на сей счет. Но вот тут, – Анатолий обвел пальцем район, где дорога пролегла перед холмом, – слишком уж место удобное для ловушки, и не слишком удобное для обороны нашего бронепоезда, не находишь?

Смирнов хмуро разглядывал карту.

– Да, есть такое дело. С нашей стороны участок открытой местности почти в километр, как раз между двумя холмами. Но в случае наступления, наши войска просто обойдут эти холмы на пару-тройку километров восточнее, вдоль шоссе Митава-Туккум-Виндава, а позиции на холме просто расстреляют из орудий. Ладно, и что у тебя на уме? Я ж вижу, как тебя распирает.

Анатолий хмыкнул и уселся на край стола, глядя весело на карту.

– Давай начнем с простого. С чего вообще возникла идея отправить с отрядом ССО бронепоезд?

– Ну, это представляется очевидным. Задача, во-первых, отбить станцию, а, во-вторых, удерживать ее до подхода основных сил. Или минимум трое суток. А бронепоезд – это два 107 миллиметровых орудия, две трехдюймовки, двенадцать пулеметов системы «Максима», не считая ручных пулеметов системы «Мадсен» и автоматов РПФ-17 системы Федорова. Плюс две бронедрезины «Стрела» по два пулемета «Максима» на каждой. Без этой огневой мощи даже твоя рота будет поставлена в весьма затруднительное положение при обороне станции.

Емец кивнул.

– Все верно. Именно поэтому логично предположить, что мы будем двигаться именно по железной дороге, не так ли?

– Ты имеешь в виду, что...

– Да, это ловушка, именно здесь они нас и будут ждать. Должны во всяком случае. Если я не прав, то готов, после боя пронести тебя на собственной спине через весь твой бронепоезд под смешки твоей команды. Но, если я прав, то тогда понесешь ты меня.

Они рассмеялись. Возникшее было между ними напряжение отступило, и они, похлопав друг друга по плечам, вновь склонились над картой.

Анатолий продолжил мысль:

– Ты верно сказал, у нас на самом деле две задачи – первая «взять», а вторая «удержать». А вовсе не «взять и удержать».

Смирнов ничего такого не говорил, но предпочел согласиться с щедрой подачей хода событий и промолчал. Емец же, как ни в чем ни бывало, развил свою идею:

– Будь я на их месте, я бы выманил вот сюда, на открытую местность перед холмом, вражеский бронепоезд и эшелон с его войсками. Дал бы, к примеру, утечку информации противнику о предстоящем разрушении станции, и позволил бы обнаружить ложную батарею за холмом. Не факт, что те два демонстрационных орудия вообще способны стрелять, а не являются обыкновенной приманкой, которую позволили обнаружить нашей конной разведке.

– Но, тем не менее, та же конная разведка не обнаружила на указанном тобой удобном для засады участке ничего такого.

– Это не аргумент. Разведка увидела то, что ей позволили увидеть. К тому же, сведениям конной разведки минимум два-три дня, а провести аэроразведку погода не позволяла. За это время тут можно было развернуть не то что два-четыре полевых орудия, но и целый дивизион крупнокалиберных стволов Резерва Главного Командования, украсив округу пулеметными точками и заминировав все, что только можно. Ночью мы все равно не заметим следов подготовки позиций в лесу, даже если они не слишком тщательно маскировались. В чем я, естественно, сомневаюсь. Более того, будь я на их месте, то я бы предусмотрел повреждение участка полотна впереди и позади бронепоезда и тогда просто расстрелял бы его с дистанции в полкилометра из четырех орудий, замаскировав их, к примеру, вот здесь, на длинном холме, ближе к полотну дороги. А вагоны с войсками покрошил бы из пулеметов. Вот прямо на предыдущем участке, где тот холм, из-за которого поезд выедут на открытую местность. Взял бы, так сказать, в два огня. Более того, обнаружение ложной батареи будет требовать от нас приближения к холму с минимальным количеством шума, а значит, на очень маленькой скорости. Можно ли промахнуться в такой ситуации? Мы будем просто мишенями в тире.

Помолчали, глядя на карту.

– А если это лишь твои допущения? Ты же понимаешь, что описанная тобой картина требует от немцев очень высокой организации и координации сил на очень высоком уровне. Это операция даже не корпусного уровня. Тут усилия и разведки, и контрразведки, и артиллерии. И это в том хаосе, который у немцев творится сейчас в тылах! Ты вообще помнишь, что у нас приказ до наступления утра овладеть Туккумом? Если мы тут застрянем, шарахаясь от каждой выдуманной нами же тени, то в штабе это никому не понравится. Тем более что у нас на борту репортеры, пусть даже тот швед и «потерялся».

– А еще я знаю, что приказ графа требовал от нас избегать потерь и отходить если что не так.

Смирнов покачал головой.

– Это был не приказ, а напутствие. А отвечать мы будем именно за неисполнение приказа.

– А приказ мы выполним. Смотри сюда, есть у меня пару идей на сей счет...

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 25 сентября (8 октября) 1917 года.

– Ваше сиятельство! Прошу простить! Срочная депеша!

Слащев несколько минут не мог сообразить где он и что с ним, но настырный голос адъютанта ни на секунду не позволял вновь погрузиться в сладкие грезы Морфея.

– Ваше сиятельство!

– Черти бы тебя побрали, Ермолаев... Только глаза закрыл...

Граф тер глаза, пытаясь высыпать из-под век хотя бы немного того злого песка, который не позволял хотя бы проморгаться. Сколько он спал? Сколько он не спал?? О, Господи, твоя воля...

– Ваше сиятельство! Позвольте умыться. Водичка холодненькая, только что из ключа здешнего...

Поняв, что песок сам не вытряхнется, и что его придется обязательно именно вымывать, генерал буркнул адъютанту:

– Давай уж свою водичу. Ключевую...

– Вот-с, ваше сиятельство!

Умывшись и кое-как раскрыв глаза, Слащев махнул рукой, дозволяя. Адъютант доложил:

– Ваше сиятельство, срочная шифрограмма из Ставки.

Граф глянул на шифр и застонал про себя. Личный шифр! А это значит, что расшифровать ему придется самому. И это при том, что он сейчас даже читать не в состоянии, не то что работать с дешифровкой! Но высший приоритет, есть высший приоритет.

И, уже снимая рубаху, велел:

– Неси-ка, братец, еще ведро воды твоей ключевой. Да не сюда носи, во двор. Выльешь мне на голову...

* * *

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

Разгрузка эшелона происходила в спешке, но без суеты. Уже съехали по приставным мосткам многочисленные мотоциклы «Harley-Davidson» с колясками и без оных, уже с последней платформы скатились на грунт две махины «FWD-Руссо-Балт» БТР-1 со спаренными пулеметами, уже два эшелонных крана снимали с платформ командирскую бронемашину, пулеметный броневик «Джеффери – Поплавко» и бортовые американские грузовики «Nash Quad», когда к Емцу подошел Прокудин-Горский.

– Ваше высокоблагородие, позвольте на пару слов.

Занятый разгрузкой подполковник уже хотел жестко отобрить столичного писаку, но вспомнив, какого полета птица перед ним, решил все же уделить ему/ей пару минут, надеясь, что вопрос пустяковый и разрешится достаточно быстро.

– Слушаю вас, господин Лейб-фотограф. Прошу простить, но я категорически не располагаю временем для бесед, сами можете наблюдать разгрузку транспорта, посему прошу кратко.

– Я не займу у вас много времени. Я вижу, что ваша рота выгружается из эшелона, а значит, будет двигаться по шоссе. Хотел бы отправиться дальше в составе вашего отряда.

Емец со скукой в голосе ответил:

– Боюсь, что я ничем не могу вам помочь. Мы только что получили приказ возвращаться в Ригу и вряд ли вам там будет интересно.

– И тем не менее.

Сказано было вовсе не заискивающе, а холодно и властно, но Анатолий Юрьевич списал это на столичные привычки сего господина, который вхож ко Двору и привык строить из себя не пойми кого.

– Увы, господин Прокудин-Горский, но вынужден решительно вам отказать в вашей просьбе.

– Это не просьба, господин подполковник. Соблаговолите ознакомиться с этим. Не привлекая к себе внимания, будьте любезны.

ГЛАВА

IV

. И ПАР, И ОГОНЬ, И ПОЗОР

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

Емец, нахмурившись от нехорошего предчувствия, взял нечто, что напоминало сложенный аккуратно белый носовой платок. То, как этот «платок» был предъявлен, заставило подполковника насторожиться, оставалось лишь надеяться, что это не то, о чем он сейчас думает.

Оглянувшись по сторонам, он заметил, что его командирский броневик уже стоит на грунте и решительно направился к нему.

– Что ж, у меня есть пять минут и я готов уделить внимание Министерству информации.

– Я прошу лишь несколько снимков в командирской бронемашине. Нашим читателям это будет весьма интересно.

– Извольте. Прошу вас, господин Лейб-фотограф, думаю, нам тут никто не помешает. – И уже обращаясь к экипажу, велел. – Всем выйти из машины, тут, так сказать, дело государственной важности. Самойлов, проследи, чтобы ближе пяти метров никого не было, а то знаю я вас, будете потом косточки мне обмывать о том, как я тут позирую для прессы.

– Обижаете, вашвысокобродь. Разве ж мы когда...

– Отставить разговорчики, Самойлов. Исполнять.

– Слушаюсь, вашвысокобродь...

Когда они уже были в чреве бронемашины, Емец наконец-то аккуратно развернул шелковый платочек, на котором несмываемой краской было написано:

«Сим удостоверяется, что камергер Двора Е.И.В. господин Прокудин-Горский Сергей Михайлович, исполняет Высочайшее Повеление.

Для исполнения означенного Повеления камергер Двора Е.И.В. господин Прокудин-Горский наделяется чрезвычайными полномочиями. Всем государственным, военным и дипломатическим чинам, всем верноподданным Имперского Единства России и Ромеи, оказывать камергеру Двора Е.И.В. господин Прокудину-Горскому всемерное и полное содействие.

МИХАИЛ».

Емец едва не выругался в голос. Ну, да, – Имперский Комиссар! Один из десятка всемогущих людей, которые имели право действовать от имени Императора и отчитывались за свои деяния исключительно перед Государем. Власть их была формально ограничена лишь помилованием Государя, а по факту, ничем, кроме его благоволения. Кто-то называл их опричниками, кто-то инквизиторами, но Анатолий не знал ни одного случая, когда Комиссары употребляли свою неограниченную власть с целью личной наживы или в иных целях, осуждаемых обществом. Они вообще редко появлялись на арене событий, предпочитая оставаться за кулисами сцены и лишь давали секретные советы Императору по тому или иному вопросу.

И то, что один из них оказался в его отряде, Емца совершенно не радовало. А то, что он решил ему открыться, напрягало еще больше.

Удостоверившись, что знаки и печати на месте, подполковник кашлянул и протянул «бумагу» обратно Имперскому Комиссару.

– Слушаю вас, ваше превосходительство. Прошу простить, в чреве броневики не могу встать.

Прокудин-Горский отмахнулся.

– Пустое, Анатолий Юрьевич. Я человек сугубо штатский и далек от всего уставного церемониала, хотя и имею формальный чин генерал-майора. Государь поручил мне неофициальную инспекцию дел в Прибалтийском крае, в том числе и дел на фронте. Я здесь исключительно неофициально, лишь как Лейб-фотограф, не более. Я лишь хотел, чтобы между нами не было недосказанности и не случились прискорбные недоразумения в самый неподходящий момент.

– Понимаю.

– Я не стану вмешиваться в ваши прерогативы и ваши приказания – это ваши приказания. Я буду лишь снимать.

– Ваше превосходительство...

– Сергей Михайлович, с вашего позволения.

– Благодарю. Сергей Михайлович, позволю себе задать несколько вопросов, дабы расставить все точки над «і», поскольку мы идем в бой, и я должен знать ситуацию у себя в отряде.

– Благоволите. Все, что имею право вам сообщить, я скрывать не стану. Спрашивайте.

– Вы случайно оказались в составе нашей экспедиции?

– Нет.

– Почему вы хотите оказаться именно в моем отряде, а не хотите остаться в бронепоезде, ведь он идет в бой?

Камергер пожал плечами.

– Не знаю, право. Операция поручена вам, вы командуете, значит, я должен быть рядом. Вряд ли вы едете в Ригу. Мне это было бы известно, сами понимаете.

– Вы бывали в реальном бою?

– Да. Я, если позволите, Кавалер Ордена Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, член Императорских географического, технического и фотографического обществ. Я снимал битву при Моонзунде, и взятие Константинополя, и участвовал в нескольких воздушных бомбардировках. Не считая того, что я много лет колесил по всей Империи, часто ночуя в самых странных местах под открытым небом и порой отстреливаясь не только от диких животных. Со мной в поле проблем не будет, если вы об этом.

– Да, об этом, благодарю вас.

Лейб... (кто он там? Столько всего!) располагал к себе и даже вызывал симпатию, но они шли в бой, а не на светский раут.

Прокудин-Горский, меж тем, подвел итог своим ответам:

– Возможно, стреляю я хуже, чем фотографирую, однако своих не подстрелю, уж будьте покойны. А теперь, если не возражаете, я хотел бы задать вопросы со своей стороны.

Емец кивнул.

– Целиком к вашим услугам, Сергей Михайлович.

– Почему вы приняли решение изменить план операции?

– Я принял такое решение сугубо на основании своих предчувствий и подозрений.

– Вот как? И часто вы так поступаете?

– Всегда.

– Гм, любопытная концепция. Впрочем, я наслышан о всех чудесах, связанных с вами, поэтому не стану вмешиваться в ход дела. Прошу лишь сообщить о том, какого рода предчувствие заставило вас остановить выполнение операции и вернуть эшелон на это место?

– Я посчитал весьма вероятным, что нас ждет засада в предхолмье Туккума. Место очень уж хорошее, а наше появление там весьма ожидаемо. Лично я вскрыл бы там бронепоезд, как консервную банку.

– И не подавились бы, смею полагать?

– Не подавился бы. И потерь бы не понес.

– Охотно верю. Ваш послужной список говорит сам за себя. И что вы намерены делать в связи с этим?

– Здесь мы разделимся. Бронедрезины, бронепоезд и эшелон двинутся к Туккуму по рельсам. Впереди них, параллельно, по грунтовой дороге будет двигаться моя Особая мехрота. В районе предхолмья, мы, выпустив вперед разведгруппы, прочедем округу в поисках засады противника, и, по возможности, расчистим путь на Туккум для бронепоезда. Если же, мои предчувствия, лишь фантазии, то мы двинемся к городу, заходя сразу с двух направлений – по железке и по грунтовке.

* * *

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. БРОНЕДРЕЗИНЫ РАЗВЕДКИ. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

«Пятерка» и «Шестерка», в полной темноте почти бесшумно катили по рельсам, приближаясь к намеченному участку. Малый ход бронедрезин отзывался лишь легким перестукиванием колес, безусловно слышимый в ночи, но, благо, поднявшийся ветер шумел верхушками деревьев и был шанс не слишком уж привлекать к себе внимание.

Где-то в полукилометре впереди них двигалась хорошо смазанная дрезина разведки, на борту которой были лишь четыре человека, невидимые и неслышимые дальше, чем в сотне метров от полотна дороги.

Позади всей кавалькады на самом-самом малом ходу крался бронепоезд №15 «Меч Освобождения», готовый в любой момент открыть огонь из всех своих орудий и пулеметов.

Подполковник Смирнов напряженно ждал, вслушиваясь в легкий перестук колес. Где-то там впереди движутся их глаза и уши, готовящиеся разыскать врага и дать знать куда стрелять бронепоезду.

Как хорошо воевать днем! Да еще и в составе линейных частей фронта! Редко, когда бронепоезд выползал за линию обороны своих войск, предпочитая поддерживать огнем свою пехоту, находясь у нее за спиной. Часто далеко за ее спиной. В этой операции все было иначе. Их «переобули» для рейда в немецких тылах и придали ССО, а это не сулило ничего хорошего в плане спокойной жизни. А уж «передача» их Емцу вообще была чем-то сродни катастрофе. Слишком уж яркой была репутация у этого офицера, и было совершенно ясно, что он склонен всякий раз ее подтверждать все более лихими и безумными выходками, которые после именовались командованием «блестящими операциями».

Но даже сейчас, когда задача и так была опасной до невозможности, он умудрился найти еще более «захватывающий» вариант, который вряд ли сулил что-то, кроме проблем. А может и гибели. И тот факт, что отряд Емца покинул их бронепоезд и эшелон, значительно улучшил настроение экипажа, у которого появилась надежда на то, что их осторожный командир и в этот раз не станет лезть на рожон.

Впрочем, уход Емца сотоварищи не снимал с самого Смирнова и его экипажа необходимости вовремя прибыть в Туккум и принять участие в обороне станции. Хотя, признаться, до разговора с Емцем, сам Василий Эрастович предпочел бы не изображать медленную цель, а положиться на скорость и огневую мощь, в надежде просто проскочить теоретически опасный район. В конце концов, Туккум – это лишь заштатная узловая станция, а отнюдь не Кёнигсберг, вряд ли тут так мудрили с оборонительными позициями.

А вон, совсем уж скоро, появится тот самый крайний холм, за которым начнется километр пустоши, так хорошо простреливаемый с обеих холмов. И лишь на выдвинутую вперед разведку вся надежда.

* * *

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ. РИМ. КВИРИНАЛЬСКИЙ ДВОРЕЦ. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

Столь тихая и спокойная ночь над Вечным городом, была столь же нервной и тревожной во дворце. Отгремели торжества и балы по случаю двойной коронации, разбрелись многочисленные гости и прочие хозяева, лишь кое где попадались романтические парочки или группки хмельных и веселящихся. Предоставленная сама себе публика, ловила момент, пока монархи, главы государств, правительств, государственных делегаций и высшее военное командование заседало уже который час, в преддверии ожидающегося удара германцев и австро-венгров на севере Италии. Да и новость о гибели британского короля Георга не могла не наложить отпечаток на происходящее в штабах.

Натали стояла в полумраке балкона и глядела в дворцовый сад. Императрица Мария повелела оставить ее одну, но Иволгина знала, что Государыня не спит, а лишь ходит по своим апартаментам, как тигрица по клетке, не находя покоя и умиротворения.

А как Царица стремилась вновь приехать в Рим! Сколько у нее было планов, сколько предвкушений! Еще бы, уехав в неизвестность обыкновенной принцессой, она возвращалась фактической соправительницей гигантской территории, уступающей по размеру лишь Брита-

нии, носительницей сразу трех императорских корон, любимицей публики и, что очень важно, беременной возможным Наследником Престола!

Но сложилось все иначе. Тут повинен, возможно, тот безумец, который кинул ту глупую бомбу и выкрикивавший столь тревожные для Государыни вещи, прямо обвиняющие ее в том, что она и есть «та самая» из Откровения Иоанна Богослова. Впрочем, быть может, эти смятение и тревога спасли организм молодой Императрицы от другого стресса, который мог повлиять и на течение беременности – шутка ли получить саквояж с бомбой себе под ноги! А так этот шок отошел на второй план и уже вряд ли представлял опасность для здоровья Ее Величества.

Но, в любом случае, и без безумца, встреча с Римом, судя по всему, оказалась для Государыни не столь уж и соответствующей ее ожиданиям. Да, она держалась, демонстрировала свою обычную уверенность и хватку, но Наталья видела в ее глазах отблески смятения и разочарования. А ближе к вечеру, к этим чувствам прибавилась еще и тоска. Возможно, будь рядом с ней Государь, он, как всегда, сумел бы вновь поселить радость в ее глазах, но Император, который час заседал в штабе и не было никакого шанса, что он вернется до наступления утра. А может, и до наступления следующего вечера.

У Иволгиной, разумеется, не было всей полноты картины происходящего на фронте, но, судя по всему, ситуация там откровенно аховая. Так что Наталья не могла себе позволить слишком далеко отлучаться от покоев Императрицы, и должна была быть готовой в любой момент явиться на зов. Вот и стояла тут, дыша ночным воздухом Рима и перескакивая в своих размышлениях с одной темы на другую.

Вот стоит она здесь, а где-то там сейчас воюют ее боевые товарищи. Вряд ли тот же граф Слащев сейчас на балу или банкете. Да и остальные тоже. В Курляндии сейчас как-то не до праздников и увеселений. Интересно, где сейчас капитан Емец? Впрочем, его уже должны были произвести в подполковники. Состоялась ли дуэль? Если да, то в мире стало на одного мерзавца меньше, а в том, что «обаяшка Емец» прикончит Шкуру, Натали нисколько не сомневалась.

Впрочем, раз на Высочайшее имя все еще не поступило прошение о помиловании, дуэли или еще не было, или произошла она буквально на днях, и бумаги еще не пришли. Государь, конечно, противник дуэлей, но Иволгина была почти уверена в том, что он дарует помилование или накажет чисто формально. Слишком часто он со смехом вспоминает «того пройдоху Емца, который купил у турок три моста».

Да, это была первая кампания, в которой Натали не принимала непосредственного участия, пребывая в то время в Крыму, в расположении Императорского командного пункта в Мелласе, находясь рядом с Государыней и, соответственно, Государем.

Вообще, именно тогда Иволгина увидела Императора не только близко, но и в деле. Раньше-то она его видела лишь однажды, тогда, на Красной площади, когда Михаил Второй не только вышел навстречу сотням тысяч демонстрантов, но и, взобравшись на броневик, сумел взять ситуацию под контроль, обратившись к собравшимся с зажигательной и проникновенной речью. Толпа хотела мира? И он дал им его, объявив свои «Сто дней для мира», перевернувшие впоследствии весь расклад сил в Европе и мире.

В Мелласе же, Наталья впервые увидела Михаила Второго не на трибуне, а в реальном деле. Да и, потом, наблюдая за ним в Пскове, в Питере, в Кронштадте, в Москве, Константинополе, на острове Христа и на Мраморном острове, а теперь еще и здесь, в Риме, Иволгина видела насколько разным может быть Император, как легко он перевоплощался, как умел находить нужный подход и нужное слово к каждому человеку, и каждому делу. Неудивительно, что он столь популярен. Конечно, немалая заслуга в том Министерства информации, но ведь и Министерство это создавал сам Государь, пусть и руками графа Суворина. И без личной харизмы Царя никакой Суворин не смог бы создать непререкаемый образ Державного Вождя, от которого без ума многие его подданные, особенно женская их половина.

Иволгина сама не раз была свидетельницей того, как барышни млели и падали в обморок от избытка чувств, на каком-нибудь мероприятии, где выступал Государь. Еще бы! Было в нем нечто такое, чего не описать словами, какая-то животная магия, какой-то внутренний огонь, то, что зажигает огоньки в душах других людей, даруя им смысл и указывая им путь.

Натали вдруг вспомнила сегодняшнюю случайную встречу с Царем, когда она невольно подсмотрела за ним на балконе дворца, и когда он полагал, что его никто не видит. Был ли он в этот момент настоящим? Если да, то тогда, в реальности, никто не знает, какой Михаил Романов на самом деле.

Знает ли его настоящего Императрица Мария? Ну, уж почти наверняка больше, чем кто бы то ни было в этом мире. Во всяком случае, Иволгина нередко ощущала, что есть какая-то Тайна, известная лишь им двоим.

Да и сама Императрица отнюдь не проста. Как тогда падали перед ней на колени в Пскове, да и во время коронации в Константинополе! Благословенная Мария, что и говорить...

Наверное, и другие ощущают что-то такое. Понимают это по-разному, но...

Но этот фанатик-бомбист появился не случайно, да и разговоры вокруг Откровения Иоанна Богослова и всадников Апокалипсиса упали на благодатную почву, поскольку за это объяснение ухватились многие, склонные к мистицизму и прочим модным глупостям.

Глупостям, которые так напугали юную Императрицу Марию.

* * *

**ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯН-
ДИЯ. БРОНЕДРЕЗИНА «СТРЕЛА-5. БАЛТИЕЦ». 25 сентября (8 октября) 1917 года.
Ночь.**

В темноте впереди блеснул направленный луч фонарика, видимый лишь вдоль путей.

– Стоп машина!

И так медленно катившая бронедрезина легко остановилась, и лейтенант Гримм откинул люк на башне своего «крейсера». На броню легко взобралась черная тень в черном же бушлате.

– Ну, что там, Кротов?

Матрос тихо доложил:

– Значит так, вашбродь. До дальнего холма мы не доехали. Подобрались только к ближ-
нему к нам. Обнаружили замаскированные позиции. Вроде пулеметы. И что интересно, рывами
повернуты не к нам, а в сторону Туккума.

– Так значит...

Гримм задумался. Да, необычная карточка огня вырисовывается. Похоже на ловушку.

– Что еще видели?

– Так, вашбродь. Ни зги ж не видеть.

– Плохо.

– Мы тоже так подумали, вашбродь. Взяли одного германца с собой, чтоб не получилось
так, что мы зря ходили.

Офицер усмехнулся.

– Ох, ты и артист, Кротов.

Тот с готовностью кивнул, подтверждая характеристику.

– На том и стоим, вашбродь.

– Где ж вы его взяли-то?

– Дык, по нужде отошел в кусты. А там мы. Разве мы могли терпеть такое непочтение
к Балтийскому флоту?

– О, да, представляю себе. Ладно, что немец говорит?

Матрос пожал плечами.

– Так, вашбродь, я ж в немецком не силен, откуда я знаю, что он говорит? Может вы его сами поспрашиваете?

Гримм кивнул.

– Давай-ка его на борт.

– Это мы со всем нашим превеликим удовольствием, вашбродь!

Кротов метнулся в темноту и через полминуты уже впихивал перепуганного германского солдата в раскрытую дверь бронедрезины.

Закрыв дверь и затемнив все щели, Гримм осветил фонариком пленного:

– Имя и чин.

Тот заморгал, пытаясь зажмуриться от бьющего в лицо луча, но лейтенант лишь тряхнул его за плечо, не давая отвернуть голову:

– Имя, фамилия, чин! Schneller!

Тот испуганно запричитал:

– Не убивайте! Жена, дети, не убивайте!!!

– Имя, фамилия, чин!

– Рядовой Клаус Кауц!

– Что вы делаете на холме?!

– Не могу знать, герр офицер! Я лишь солдат. Нам приказали занять эту позицию!

– Кто вы и сколько вас? Schneller!

– Пулеметный взвод пехотного батальона. Четыре пулемета. Двадцать девять человек по штату. Уже двадцать восемь!

Последнее было сказано с такой испуганной готовностью угодить и ни в чем не ошибиться, что Гримм лишь внутренне усмехнулся. Однако, лицо при этом сделалось совершенно зверским:

– Donnerwetter! Ты врешь! Кротов!!!

Пленный от последнего перепугался до полусмерти, очевидно полагая, что его сейчас будут расстреливать, а может и еще что похуже.

– Никак нет, герр офицер!!! Никак нет!!! Это так! Четыре пулемета! Мы ждали русский поезд этой ночью! Потому и все стволы повернуты на пустошь между холмами!

– Кто на том, холме, который ближе к Туккуму?!! Сколько их?!! Schneller!!!

– Не могу знать, герр офицер!!! Я же простой солдат! Знаю только, что там не наши, там артиллеристы какие-то!

– Сколько их?!!

– Не могу знать! Сегодня там темно, но вчера горело много огней на холме, со стороны, которая ближе к рельсам!

– Насколько близко к рельсам?!! Schneller!!!

– Не могу знать!!! Шагов триста, а может и четыреста! Прямо напротив нашей позиции!

Лейтенант Гримм кивнул немцу и, обернувшись в сторону радиста, приказал:

– Связь с подполковником.

Что ж, разведка, похоже, удалась. И команда их крейсера честь Балтфлот не посрамила даже в болотах Курляндии.

Как сказал бы Кротов – на том и стоим.

* * *

ИМПЕРИЯ ЕДИНСТВА. РОССИЯ. МИТАВА. ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ночь.

Слащев в сердцах чертыхнулся и отложил бланк дешифровки.

– Ермолаев, твою кобылу за ногу через так да на эдак!!!

В дверях появился демонстративно перепуганный обычным наездом адъютант.

– Здесь я, ваше сиятельство!!!

– Где мой кофе???!!

– Так готов, ваше сиятельство, сию секунду, не хотел тревожить при дешифровке!

Граф лишь хмуро процедил:

– Дешифровке! Умные все стали, деваться от вас некуда...

Но привычный к резким сменам настроения генерала Ермолаев, просто быстро сервировал кофе и бутерброды, не забыв принести поднос с трубкой и кисетом, прекрасно зная, что после такой вспышки граф впадет в долгую задумчивость, и раздражать его отсутствием курева под рукой крайне нежелательно и даже опасно.

Когда за адъютантом закрылась дверь, Слащев осторожно отпил обжигающий кофе и потянулся к ближайшему бутерброду, ничего не видя перед собой. Да, тут определенно есть над чем подумать.

Во-первых, впервые за все время сроки предстоящего наступления были сдвинуты не на позже, а на более ранние сроки. Значительно более ранние сроки, а точнее на 27 сентября. И если для изготовившихся к удару полевых частей этот срок был вполне приемлемым для последних приготовлений, то для разбросанных по всей Прибалтике и северному Полесью отрядов ССО это было серьезной проблемой. Связь была далеко не с каждым отрядом, а это означало, что многие будут выполнять ранее поставленные задачи. Это следовало учесть при выработке новых планов. Ну, а других, до кого можно так или иначе достучаться, надо озадачить новыми вводными. А кое-кого, типа того же Емца, срочно вернуть, заменив полевыми частями как можно быстрее. А это тоже вызовет проблемы, в том числе и согласования с управлением 12-й армии.

Но план наступления предусматривал вполне определенные задачи ССО в тылу противника, включая захват мостов или взрыв оных, повреждения железнодорожного полотна, с целью препятствования маневру войск противника, и многое, многое другое.

Чем была вызвана такая спешка? Только ли тем, чтобы спасти Францию и Италию обнаметившейся военной катастрофы на их участках фронтов? Или тут более глубинные причины? И судя по всему, приказ сдвинуть сроки поступил непосредственно от Государя, ведь вряд ли Лукомский взял бы ответственность за это на себя, прекрасно понимая сколько накладок и проблем будет при организации наступления в указанную дату. Шутка ли за два дня все приготовить!

Значит, что-то произошло в мировом масштабе. Что-то такое, что даже затмевает полученное известие о гибели британского короля Георга.

И, во-вторых, что прикажете делать с приказом срочно организовать большую встречу с прессой и прочими международными представителями в Риге, с участием гауптмана Вебера и обеспечить его добровольные красноречивые показания, имеющие целью не только подтвердить сказанное им ранее, но и подать вопрос таким образом, что склады с химическим оружием не были взорваны в том числе и из-за личной позиции самого Вебера, который чтит кодекс войны и Гаагскую конвенцию, и подчеркивает свое уважение к русским воинам, так же чтущим и неукоснительно соблюдающим законы и обычаи войны.

То есть, как сказал бы Государь в подобном случае, мы все в белом Д'Артаньяны, а вы...

* * *

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. БРОНЕПОЕЗД №15 «МЕЧ ОСВОБОЖДЕНИЯ». 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ближе к утру.

– Беглым, огонь!

Звякнул машинный телеграф и четыре орудия бронепоезда грохнули в предрассветной тиши, посылая снаряды по уточненным разведкой квадратам. Пусть на таком расстоянии точность была не стопроцентной, но у них было преимущество – они знали, где находится противник, а вот немецкие комендоры могли лишь примерно угадывать откуда именно сейчас падают на их головы снаряды.

Что ж, прав оказался пройдоха Емец, предрекая засаду. Впрочем, стоит ли удивляться, если он сам мастер на такие сюрпризы?

Спина подполковника Смирнова уже ныла, в предвкушении работы ломовой лошады, прущей на себе пройдоху Емца...

* * *

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. ОКРЕСТНОСТИ ТУККУМА. КОМАНДИРСКАЯ БРОНЕМАШИНА. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Ближе к утру.

Их колонна стремительно приближалась к Туккуму, поднимая клубы пыли с грунтовой дороги. Где-то слева вспышки разрывов сменялись долетающими через несколько секунд хлопками взрывов.

Емец смотрел вперед, приказав, вопреки первоначальному плану, не останавливаться для разбирательства с немецкой батареей на холме. Смирнов с ней и сам разберется, а если вопрос затянется, то они всегда смогут ему подсобить позднее. Сейчас же главной была скорость, скорее на станцию, пока противник не начал уничтожение стрелок и прочего. Разведгруппа уже должна быть на месте, да и им самим недолго осталось.

Открывшееся за поворотом зарево крайне не понравилось Анатолию, и он поднял к глазам бинокль.

– Что там?

Не отрывая глаз от окуляров, Емец ответил Имперскому Комиссару:

– Трудно пока понять, Сергей Михайлович. Что-то в городе здорово горит. Боюсь, что мы опоздали...

Тут он заметил быстро подъезжавший к ним мотоцикл из числа посланной вперед разведгруппы. Подполковник крикнул мотоциклисту:

– Что там???

Тот спешно выпрыгнул из седла и приложив ладонь к металлическому обрезу каски, доложил:

– Вашвысокобродь! В городе множественные пожары и, судя по всему, идут еврейские погромы!

– Кто? Немцы???

– Хуже, вашвысокобродь! Наши!

– Какие наши??? Ты что, белены объелся?!

– Так точно, наши! Есаул Шкуро и его Волчья сотня!

Онемевший Емец лишь услышал, как Прокудин-Горский выдохнул с чувством:

– Твою же мать...

ГЛАВА

V

. УТРО В ОГНЕ ТУККУМСКОМ

ТЕРРИТОРИЯ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ. КУРЛЯНДИЯ. ТУККУМ. КОМАНДИРСКАЯ БРОНЕМАШИНА. 25 сентября (8 октября) 1917 года. Рассвет.

Едва удержавшись от того, чтобы дополнить реплику Имперского Комиссара куда более энергичной и цветастой тирадой, подполковник Емец все же постарался взять себя в руки, и задал вопрос, сохраняя внешнее спокойствие:

– Насколько сведения точны и не может ли тут быть ошибки?

Унтер вытянулся:

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Ошибки быть не может и сведения точны. Я сам видел на улицах буздящих казачков в волчьих шапках, в нашей форме и обильно матерящихся по-русски!

– Ну, если казачков в волчьих шапках, да еще и матерящихся... Ладно, показывайте дорогу.

Посыльный козырнул, и, зарокотав своим «Харлеем», лихо развернулся и покатил в голову колонны. Емец отдал приказ выдвигаться на самом полном ходу, но опасаться засады.

Обернувшись к Прокудину-Горскому Анатолий тихо спросил:

– Что скажете, Сергей Михайлович?

Тот хмуро смотрел на близящееся зарево.

– Если это так, то дело скверное. И само по себе весьма скверное, и скверное вдвойне из-за того, что с нами репортеры.

– Ну, с нами только вы, да корреспондент имперского агентства ТАПР. Остальные остались в эшелоне, который стоит сейчас километрах в трех позади бронепоезда, который еще какое-то время будет обстреливать германские позиции в предхолмье Туккума. А если Смирнова соответственно сориентировать, то «Меч Освобождения» застрянет там хоть до следующего вечера. Пока обстреляют, пока вышлют разведку, пока зачистят, пока то, пока сё, трофеи там всякие. Фото героев на фоне разбитых немецких орудий, опять же. Журналистам и фотографам будет где порезвиться и что поснимать помимо Туккума. Да и военную цензуру никто не отменял, корреспонденты, вообще-то, российские и должны чувствовать исторический момент, а швед благополучно остался в Митаве.

– Все это так, но, во-первых, вечно держать репортеров подальше от Туккума невозможно, во-вторых, вся соль политики Министерства информации в части пропаганды, строится на том, что мы не замалчиваем неудобные факты, а, наоборот, стараемся их подать так, чтобы в итоге авторитет императорской власти и России в целом только усиливался, невзирая на прискорбные отдельные случаи и прочие перегибы на местах.

Емец кивнул.

– Разумно. На всяк роток не накинешь платок, как говорят в народе. Тем более что если там действительно погромы, то тому тысячи свидетелей, и журналисты до них, так или иначе, но доберутся. Так что я предложил свою идею не подумав, прошу прощения.

– Отнюдь. В вашем предложении, Анатолий, есть рациональное зерно. Смирнову действительно надо дать команду затянуть представление с героическим «сражением за Туккум», и занять репортеров на какое-то время. До особого распоряжения. Вы, надеюсь, не будете ревновать, если Смирнову достанется вся слава в этой эпической битве? Ее ведь растиражируют на всю Империю и не только!

Подполковник отмахнулся.

– Да ради Бога, пусть забирает эту самую славу, мою покупку трех мостов он все равно не переплюнет.

Имперский Комиссар усмехнулся:

– Мне нравится, что вы сохраняете иронию и чувство юмора даже в такой ситуации. А если серьезно, то в Туккуме нас, и в первую очередь вас, ждет кровь, грязь и очень много всякого дерьма. Которое, неизбежно запачкает вашу биографию. Вы готовы к такому?

Анатолий Юрьевич задумался.

Да, впереди его точно не ждет ничего хорошего. Сам Имперский Комиссар, судя по всему, предпочтет остаться в стороне, опасаясь замарать имя Императора, а вот самому Емцу придется это самое дерьмо черпать широкой лопатой, разгребая все то, что натворил Шкуро и его хлопцы. Впрочем, еще не все понятно с тем, что же на самом деле там происходит в том Туккуме, сколько на войне было всяческих случаев с неправильными донесениями? Не счесть!

Но, с другой стороны, положи руку на сердце, может ли это быть правдой? Да запросто! Одно в этой истории неясно, откуда тут вообще взялся Шкуро с бандой своей, если они уже должны быть за сто километров отсюда, причем совсем в другой стороне? Объяснением тут может быть только условность понятия «рейд» в части автономности принятия решений командиром экспедиции, и характер самого Шкуро, да его неумное честолюбие, особенно на фоне соперничества с Емцем и свеженькими подполковничьими погонами у того на плечах. А, может, тут кроется что-то совсем иное, и все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Но, если это правда, то можно ожидать на улицах Туккума великое множество весьма безобразных сцен, разбираться с которыми придется ему, Анатолию Емцу, а не кому-то там другому. И ладно бы это был германский городок, но ведь это же российская Курляндия! И поди знай, что было в голове у Шкуро!

– А там действительно много евреев?

Прокудин-Горский криво усмехнулся:

– О, да. Предостаточно.

– Это плохо.

– Хотя евреи они, хоть немцы, хоть кто – все они российские подданные, которые вправе рассчитывать на защиту со стороны Империи.

– Ну, это-то понятно, только вот меня эта тема в данный момент интересует с сугубо прикладной точки зрения – погромами может быть охвачена достаточно обширная территория. Могут быть проблемы с «волчьей стаей». А у меня всего рота личного состава и два объекта, которые я должен срочно взять. Может просто не хватить сил на полицейскую операцию в городе.

Лейб-фотограф кивнул.

– Я потому и говорил о грязи, крови и дерьме.

– Да, уж, ситуация.

Помолчали. Прокудин-Горский ненавязчиво поинтересовался:

– Насколько я понимаю, в вашей командирской машине есть радиостанция. Нет желания связаться со Слащевым?

– Боюсь, что нет, хотя я бы и с радостью. К сожалению, нет ничего, о чем я мог бы доложить командующему уверенно, опираясь на факты. А без ценного мнения начальства, которое опирается на слухи и домыслы, мной же и рассказанные, я как-нибудь обойдусь. И потом, если бы речь шла не о Шкуро, то, возможно, я бы подумал об этом, а так это все слишком уж похоже на сведение счетов, да еще и опираясь при этом лишь на слухи и домыслы. Я должен быть уверен в том, что докладываю.

– Ну, дело ваше.

Их колонна приближалась к окраинам Туккума и уже слышна была беспорядочная ружейная стрельба.

– И что вы намерены делать в данной ситуации?

– А, что, у меня есть много вариантов выбора? Я – военный. У меня есть приказ, который никто не отменял – овладеть железнодорожными станциями «Туккум» и «Туккум-2», предотвратить порчу железнодорожного оборудования и стрелочного хозяйства, организовать оборону города и не допустить использование противником станции для переброски войск с северной части Курляндии. Минимум на три дня. И, по возможности, передать все станционное хозяйство подошедшей русской армии в целостности и сохранности. Однако, у меня в кармане име-

ется и приказ о назначении меня военным комендантом Туккума, а значит, и восстановление порядка, и его поддержание на улицах города, входит в мои прямые обязанности, не так ли?

– Так.

– Тогда, думаю, что нужно войти в город, взять станции, выбить из Туккума немцев, остановить погромы и восстановить законность на улицах. И, насколько это возможно, прибавиться и привести все в относительно божеский вид до появления репортеров в городе.

Прокудин-Горский с сомнением покачал головой, указав вперед:

– Я думаю, что там многие будут решительно против такой программы действий.

– Не без этого. Но, смею полагать, что не слишком. Хотя, не спорю, моей роты маловато, и я предпочел бы иметь под рукой бронепоезд и, хотя бы, полновесный батальон пехоты. Но, как говорится, что имеем, от того и пляшем. Что касается восстановления порядка, то порядок должен быть восстановлен, пусть и силой оружия, а жители Туккума должны видеть, что виновные получают кару. Россия вновь возвращается на эти земли и, в данном случае, мы представители власти Империи Единства, должны принести подданным справедливость. Причем, справедливость должна быть восстановлена именно показательно, в том числе и для прибывших в город репортеров.

Имперский Комиссар хмыкнул, покосившись на него.

– Будете вешать?

– Вешать? Вполне может быть и такое. Если мы вообще кого-то поймем, в чем я право не уверен. Посмотрим по ситуации. Вообще же, виселица на главной площади с рядом висящими мародерами и погромщиками будет весьма наглядным символом справедливости.

– Скажите, Анатолий, а что вы делаете в армии-то? Может вас к нам забрать? В Министерство информации, к примеру?

Емец позволил себе отмахнуться:

– Разве что после войны. Сейчас я несколько занят.

– Хорошо, мы еще вернемся к этому разговору. Кстати, а вы подумали о том, как воспримут ребята Шкуро, да и он сам требование «военного коменданта города подполковника Емца»?

– Я даже представляю себе, что будет, если они не воспримут требование «военного коменданта города подполковника Емца», уж поверьте. А, вообще, очень я как-то сомневаюсь в том, что хлопцы Шкуро, если это и впрямь они, полезут в бой при нашем подавляющем превосходстве в пулеметах. Да и не их это стиль. Скорее вновь уйдут в лес.

Он поднял руку, и колонна остановилась.

– Флаги развернуть!

Через несколько минут над бронемашинами и грузовиками запылескали на ветру алые Знамена Богородицы. Моторы взревели и техника двинулась вперед.

С первыми лучами осеннего солнца авангард колонны въехал на улицы Туккума. Поначалу визуальных признаков боев или погромов видно не было, хотя беспорядочная пальба слышалась с разных сторон. В ответ сразу с нескольких машин послышалось усиленное рупорами обращение:

– Жители русского Туккума! В город входят регулярные части Русской Императорской армии. Оставайтесь дома и сохраняйте спокойствие. В городе объявляется осадное положение. Бандиты и мародеры будут расстреливаться на месте. Порядок и закон вновь будет восстановлен. Жители русского Туккума! В город входят регулярные части Русской Императорской армии...

Выполняя полученные ранее приказы, колонна разделилась на две части, на полном ходу устремившись по улицам городка к двум железнодорожным станциям с приоритетом на «Туккум-2». Брать станции предписывалось сходу, обходя очаги сопротивления и препятствия, но, правда, в приказе ничего не говорилось о том, что такими «очагами» могут быть места погро-

мов, а «препятствиями» бегущие в панике местные жители, которые нередко сломя голову перебежали дорогу в самых неожиданных местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.